

A stylized illustration featuring a woman's profile in white with blue outlines, looking towards the right. Her hair is depicted with thick, flowing lines in shades of blue and orange. Below her, there are stylized waves in blue and green, also rendered with thick, flowing lines. The background is white.

СВЕТЛАНА
ШУЛЬГА

Мореѣрина

Бежать.
Потерять.
Погибнуть.
Возродиться

RED. Fiction

Светлана Шульга

**Морегрина: Бежать. Потерять.
Погибнуть. Возродиться**

«Редакция Eksmo Digital (RED)»

2021

Шульга С.

Морегриня: Бежать. Потерять. Погибнуть. Возродиться /
С. Шульга — «Редакция Eksmo Digital (RED)», 2021 — (RED.
Fiction)

ISBN 978-5-04-161297-9

У каждого в жизни наступает тот момент, когда происходит взрыв! И кажется – наша душа разорвана в клочья. Разлом и пустота! А на самом деле это разлом, который открывает выход внутреннему свету. Главное – иди смело вперёд и тогда все самые могущественные силы встанут на твою защиту! Этот роман – вдохновение о том, как не заблудиться в пути, отправляясь на поиски себя. О том, что порой призрачное нам кажется истинным, а истинное – мнимым. Об истинной любви, призрачной красоте, сложной дружбе, поисках своего предназначения. О том, что окружающий мир, порой, – это мир теней, а мир теней – правдивее реального. И главное – этот роман о том, что родные души никогда нас не покидают. Мистический современный роман. Он имеет слишком много смыслов. Какой из них он откроет Вам? Придётся читать и перечитывать! Но после этого вам открывает много тайн и главные – как найти свою настоящую любовь, вопреки всему. И как стать счастливым, даже если всё вокруг чужое. Всё! И даже своё собственное имя.

ISBN 978-5-04-161297-9

© Шульга С., 2021

© Редакция Eksmo Digital (RED), 2021

Содержание

Часть 1. Бежать	8
Глава 1. Марина	8
Глава 2. Марина	10
Глава 3. Слава	12
Глава 4. Марина	14
Глава 5. Слава	18
Глава 6. Морегрина	21
Глава 7. Морегрина	23
Глава 8. Слава	25
Глава 9. Морегрина	28
Глава 10. Морегрина	30
Глава 11. Морегрина	34
Глава 12. Морегрина	35
Часть 2. Потерять	39
Глава 13. Слава	39
Глава 14. Морегрина	42
Глава 15. Слава	44
Глава 16. Морегрина	47
Глава 17. Слава	51
Глава 18. Слава	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Светлана Шульга

Морегриня/ Бежать. Потерять. Погибнуть. Возродиться

Художественное оформление: Редакция Eksmo Digital (RED)

В коллаже на обложке использованы иллюстрации: © Archv, Terriana, kotoffei / iStock /
Getty Images Plus / GettyImages.ru

* * *

*Мы ничего не знаем о тех исполинских могущественных силах,
что передают сигналы по волокнам бесконечно расширяющейся
Вселенной.*

*Мы ничего не знаем о родных душах, которые перехватывают эти
сигналы и с заботой выполняют свою светлую миссию.*

МЫ НИЧЕГО НЕ ЗНАЕМ О СЕБЕ.

Пришло и передано в день третьей двойной радуги

* * *

Рваные джинсы своих надежд лучше всего зашивать стальными нитями железных дорог.
Так наверняка. Та-дам-та-дам, та-дам-та-дам, та-дам-та-дам.

Стучит поезд, как швейная машинка судьбы. Стежок к стежку. Рана затягивается.

В такт дребезжат испуганные пустые стеклянные стаканчики. Такие же пустые, как её
жизнь. Но от их размеренного стеклянного побрякивания становится спокойнее. И она уже
слышит:

«Там-там-там-там, там-там-там-там» и – многообещающее – «ТАМ!»

На сердце уже не скулят брошенные промокшие щенки и в душе не кровоточит, а раз-
ливается сладкая патока возможного счастья.

Она смелая! Спустя столько лет, проведённых в мечтах, сбежала. Сделала первый шаг в
пугающую, но желанную неизвестность.

Послезавтра она выйдет на сверкающий перрон огромной переливающейся Матери Горо-
дов.

Города, который шлифует женщин, и этот процесс не остановить ни на долю секунды.
Каждая прошедшая эту шлифовку в нём, как выбеленная холёная улыбка, – сверкает. Такой
станет и она – Женщиной с заглавной буквы «Ж».

«Там-там-там-там» всё будет замечательно.

* * *

«Не всех рыжеволосых сожгли на кострах инквизиции», – так она говорила всем, зали-
ваясь густым бархатистым смехом, отбрасывая огненные пряди от лица. А пряди скакали, как
языки инквизиционного пламени, и сжигали всех вокруг. Всех, кроме неё.

Высокая. Стройная. Копна волос – смесь золота с рыжим, без красных и малиновых
ноток. Серые глаза.

Она их закрывает и видит сверху своё скучное утро. Дрожащую себя в обшарпанном дверном проёме. Бросает прощальный взгляд на дощатый пол, по которому можно ходить только в тапочках или в вязаных носочках, да и то нацепляешь заноз.

С тоской смотрит на грязные окна – никогда не возникало желания их помыть. На тусклое деревянное зеркало с вырезанными чьей-то умелой рукой листьями и завитушками. Отражение в его глади ей постоянно казалось обиженным.

Кто его обижал, отражение? Слишком тесный город, слишком старый дом, слишком маленькие возможности. Всё настолько «слишком» и настолько маленькое, что в них не помещались ни её слишком большие амбиции, ни её слишком модные для такого приземистого и низкорослого городка вещи.

Свои вещи она любила. Всё остальное – нет.

Время – враг. Время – это морщинки. А морщинки – это тоже враг! Ей уже почти тридцать, а она все еще в Городе Маленьких Домов, в старом обшарпанном доме.

Она совсем не ведическая женщина. Естественна, всегда лохмата. Она – ещё в той поре, когда ты без срока годности и ещё не пресловутая "я-ж-мать".

Карта из псевдоубеждений не сковывает её милую головку. У неё нет правил, нет религии и нет комплексов. Всё, что у нее есть, – это она и ее мечты. Терпкие и такие романтические, как её любимое *rose*.

Еще вчера она любила готовить мясо и пить вино по вечерам. Исключительно розовое. Она покупала его в единственном в её небольшом городе, большом, сверкающем стеклянными витринами торговом центре, выбирала к нему мясо и несколько сезонных фруктов. Сливы, яблоны и капризные персиковые деревья на этой, теплой почти все 365 дней в году, земле росли повсюду.

Особенно, она любила впиваться в тонкую и ворсистую кожу нежно-ароматных персиков.

Приносила из магазина свою добычу в хрустящем пакете. Нарезала яблоки тонкими дольками, поливала их лимоном, небрежно раскладывала сливы и сверху бросала целые пушистые мячики. Потом ставила мясо. Пока оно зарумянивалось, наливала бокал и рисовала.

Или зажигала свечи, танцевала и пила *rose* прямо из горлышка. Представляла себя героиней женского романа или роковой красоткой с обложки любимого «глянца» и ей казалось, что в таких моментах заключена вся красота жизни.

Той жизни, которая где-то там, мимо неё.

И так каждый вечер. Но каждое утро – будничный серый туман. Неужели это всё? Неужели нет большего?

Танцую, она смотрела в зеркало и находила себя то сексуальной, то скованной, то женственной, то до тошноты плоской и примитивной. Вместе с ней танцевали только тени, и иногда ей казалось, их движения были более легки, грациозны и притягательны, чем ее собственные.

* * *

До встречи с ним она жила и не догадывалась, что бездарно разбрасывает всё ценное, что вложено Вселенной в хрупкий, длинноногий аватар её неугомонного тела.

До той встречи она не осознавала, что теряет себя напрочь, но, возможно, именно благодаря запущенному саморазрушению стали высвобождаться элементы, которые становятся фундаментом для чего-то нового. Если это так, то самые таинственные процессы, которые идут из глубин бесконечно расширяющейся Вселенной, стали оплотом для всех последующих событий.

Скорее всего, так и было. Каждая мечта приходит в своё время, как всё самое важное в жизни.

Еще вчера ее мир стоял на трёх китах: модные журналы, искусство, новые знакомства. Она рисовала дыру в районе сердца каждому новому знакомому в тот момент, когда он ещё спал, а она спешно вызывала такси в свежесваренный рассвет.

Правила не для нее. А вот один большой город, весь, от тротуаров до шпилей, заложен именно для неё!

«Мать Городов» – она зовет его именно так. При этом её глаза загораются иным сиянием, а голос становится бархатным и чуть более тихим.

Пуповина непреодолимо тянула. И Мать Городов сцеживала для неё бодрящее молоко страсти, энергии и удовольствий.

Еще вчера она жила просто и кричала: «Да какого чёрта я ещё здесь!?!»

Смеялась, горела, мечтала. Но не с теми, не там и не так, как хотела бы.

И всё было бы как в петле Мёбиуса. По непрекращающейся спирали вращались события, люди, встречи, разочарования. События. Люди. Встречи. Разочарования.

Она и дальше дразнила бы других и обманывала себя. Если бы не Он. И если бы вчера она не выпила слишком много rose и в исступлении не купила билет в один конец на ночной поезд.

Ночь была сумасшедшей...

Там-там-там-там, куда несёт вагончик, всё по-другому. «Там-там» всё наладится.

Томный rose бьет в голову.

И с этой мыслью она, уткнувшись в сырую подушку, засыпает на своей верхней полке. Поезд успокаивает. Он подтверждает:

«Та-дам-та-ДА.Та-дам-та-ДА».

Часть 1. Бежать

Глава 1. Марина

Незнакомые голоса звучат как будто в отдалении, затем прерываются и выбрасывают из кошмарного сна.

Что за синий потолок? Что за давящее беспокойство внутри? Это и не страх, и не возмущение, а что-то близкое к удивлению. Хотя... и не оно.

Высвободившись из тумана сна, на киноленте памяти начинают проявляться смазанные изображения, отголоски вчерашнего дня: «Что я наделала? Я в поезде! И всё-таки решилась!»

На миг время застывает, окутав коконом совершенно нового чувства – абсолютной неизвестности. Мать Городов, я еду! Ты ждешь?

Вместе с этой мыслью, все четыре камеры сердца начинает заполнять сумасшедший коктейль: кровь и адреналин. Сердце подскакивает и принимается молотить по грудной клетке взволнованно и быстро.

Нет, Мать Городов никого не ждет. Она принимает в свои объятия, но в любой момент выплевывает неугодных и ломает с хрустом хребет слабым.

Тело сдавливают спазмы страха. В горле встает жгучий ком. У меня странный вопрос к себе: зачем я это сделала?

Сон окончательно отступает. Голоса становятся четкими, изображения яркими. Повернув голову, натыкаюсь глазами на незнакомку на соседней верхней полке: лёжа параллельным курсом, читает женщина. Она совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки – ох уж эти плацкартные вагоны! Смутившись, хочу отвернуться, но не успеваю. Женщина откладывает книгу.

Наши глаза встречаются. Надо бы сказать дежурно-вежливое «здравствуйте», но неожиданно все слова делают шаг назад. Что-то неуловимое, знакомое и доброе замечаю в её взгляде, уютной вязаной кофте с выпуклыми розочками, махровых штанах и полосатых носочках. Таких же полосатых, как те, в которых я ходила по обшарпанному полу арендованного ветхого дома.

Дом. Пусть и нелюбимый, но знакомый... Там всё понятно и предсказуемо.

Незнакомка всем телом поворачивается на бок, лицом ко мне. Носочки прячутся в складках казенной простыни. Что же я натворила? Что за нелепый и дерзкий побег устроила?

Комок жжёт горло, хочется то ли заплакать, то ли выругаться, то ли... Вернуться! Да, так и есть! Нестерпимо, страшно и до боли сильно хочется вернуться!

– Привет. А ты разговариваешь во сне, – обрывая мои мысли, с улыбкой произносит женщина.

– Правда? – удивляюсь я. Хочу сказать, что обычно за мной такого не водится, что, видимо, это всё от страха неизвестности, но вклинивается механический голос сверху. Монотонные фразы объявляют ничего мне не говорящее название станции и также равнодушно добавляют ценную для каждого во всё этом движущемся удаве информацию: «Поезд будет стоять на станции тридцать минут».

Спокойное течение разговоров разрывают разнообразные звуки и суeta. Съезживаюсь, как от озноба. Мимо проплывают десятки маленьких, взрослых, седых, юных. Их всех несёт течением к выходу. Но мой страх полностью парализовал все желания. Он пригвоздил меня к синей полке.

– Я смотрю, ты как будто чего-то боишься. Давай спустимся? – незнакомка напротив снова подает голос.

Надо же, она тоже никуда не ушла. Мой страх перебарывает отчаянное желание поговорить и спросить совета. Совета у неё. Ведь больше не у кого. Тело тяжело отзывается и кажется чужим. Сбрасываю его вниз. Вагонный пол оказывается липким и холодным.

Женщина, следуя за мной, плавно соскальзывает. В ней есть нечто знакомое, безусловно.

Нырнув на глубину своей памяти, стараюсь отыскать хоть кого-то похожего на нее, но образ дразнит, расплывается и все время ускользает. Нет, скорее всего, острое желание найти родную душу в этом новом чужом мире подсказывает сходство. Это игры моего разума, который придумывает отвлекающие лжеродные образы.

– Как вас зовут? – слова вырываются сами, без моего разрешения. И как только они обретают вес, я понимаю, что уже догадываюсь.

Незнакомка усаживается на нижнюю полку и подгибает ноги под себя. Сажусь напротив.

– Надежда, – она протягивает руку и добавляет тем дружеским тоном, который располагает сразу и навсегда: – И давай сразу на «ты»!

Надежда – имя возможного прекрасного будущего. Откуда я могла знать, как ее зовут? И почему мне знакомо это необъяснимое человеческое понимание и эта рука, от прикосновения которой молочная тёплая волна разлилась по всему телу?

– Давай, – легко сжимаю ее изящную узкую ладонь: – А меня...

– Подожди! – Надежда обрывает на полуслове и загадочно улыбается, немного прищурив глаза и задумавшись всего на мгновение: – Не торопись, давай-ка я угадаю!

Сидим, как два несогретых ребёнка, сбежавших из дома на поиски приключений. Мои плечи дрожат от страха, её – от желания меня успокоить.

И вот опять эти мурашки, пробравшиеся внутрь, отчего кожа стала неровной и покрылась крошечными предательскими точками.

– Тебя зовут, зовут, – она блуждает по пустому сжатому вагонному пространству взглядом, словно пытаясь найти подсказку, и вдруг выдыхает: – Ты похожа на море, на Ассоль, которая ждет своего Грея, на ищущую, на желающую...

С любопытством её слушаю, и кожу по-прежнему покалывает изнутри.

– Тебя зовут... Морегриня! – всплеснув руками, с полной уверенностью заключает она.

– Красиво, но причудливо!

Сказочное, странное, неизвестное мне до сегодняшнего дня имя. Беру со столика стакан в медном подстаканнике. Пол под ногами перестает быть холодным.

– Я права? – спрашивает соседка и заглядывает мне в глаза, словно пытаясь найти там ответ на вопрос: получилось ли у неё удивить, или успокоить, или что-то подсказать? Спешу её отблагодарить ответом и улыбкой.

– Мне нравится! Отныне меня зовут Морегриня, и ты можешь называть меня так! – улыбку нувшись, говорю я, чувствуя, как волнение и страх отступают.

– Может быть, чай?

Она предлагает мне его, словно это как раз то, что согреет меня уже на расстоянии от дома, а может быть, согреет?

Глава 2. Марина

– В среднем человеку отведено тридцать тысяч дней жизни, – Надежда делает большой, жадный глоток, на секунду прикрывает глаза и продолжает: – Этим вопросом задаются многие. Ответа нет, но я его постоянно пытаюсь найти. Может, ты его дашь? Скажи, почему люди тратят это отведённое для счастья количество дней и ночей на то, чтобы быть несчастными?

Пожимаю плечами. Кого-то прошлое, может, и тянет назад. Только не меня.

У кого-то прошлое полно яркими звуками, родными голосами и счастливыми красками, но не моё.

– Представь, – продолжает свой вопрос-рассуждение Надежда, – если бы в одном из таких вагонов тебе встретился седой всемогущий шаман. Что бы ты у него попросила? – она вопросительно смотрит на меня.

Касаясь пальцем линий узора медного подстаканника, думаю, к чему такая лирика? Я всего-то сказала новой знакомой о том, что сомневаюсь в своем спонтанном решении. Что меня манит, но и страшит большой город. Моя вчерашняя жизнь не была настолько ужасной, чтобы без оглядки сбежать от нее в наивные мечты.

Но ее взгляд проникает именно туда. Именно так глубоко. Именно в тот самый тёмный угол, куда забилась сжавшаяся от страха душа. Отвечаю ей честно, не раздумывая:

– Я бы сказала, что бегу быстро, но не могу догнать. Сказала бы, что ищу многого, но не могу найти главное.

– Что ты искала в своём городе? – спрашивает она.

– Свободу!

Это слово – самая суть моей прошлой правды.

– Нашла? – Надежда загадочно улыбается.

– Мне казалось, что да, – вздыхаю и тоже делаю глоток, медленный и большой, подобно новой знакомой. Но насладиться не получается. Чай обжигает горло и терпкой крепостью связывает рот.

– Ка-з-а-а-а-лось! – говорит она, растягивая слово, и чуть подается ко мне.

– Знаешь, Морегриня, свобода – это точный выбор. Ты обрела ее тогда, когда позволила себе выбирать. Выбирать между «остаться» и «меняться». И ты предпочла лучшее. Ты сделала выбор, а значит, ты уже на пути к своей свободе. Теперь просто полюби свой выбор.

От этих слов становится немного легче, но демоны страха все равно стоят за спиной и шепчут. Я не могу разобрать их слов, но чувствую присутствие так явно, что боюсь даже оглянуться.

– Не оглядывайся, – продолжает Надежда: – Там, в прежней жизни ты была зависима и неверна себе. Ты следовала выбору других. Ты состояла из лживых убеждений и суеты. Суета – это враг. Она заставляет пребывать в мнимом мире. Именно в том мире, где всё КАЖЕТСЯ.

– Я не уверена, что сбежала.

– И правильно, что не уверена! Не из города мы сбегает. В большие аттракционы – в города-иллюзии мы сбегает от себя, от памяти, от теней прошлого, от собственного страха...

– Да, – смотрю на нее с удивлением и благодарностью: – Всё так! Но мой страх – хитрец. Словно я отвернулась, а он незаметно пробрался в чемодан и отправился вместе со мной в путешествие. И сейчас, вместо предвкушения, я чувствую только...

– Боль? – Надежда снова договаривает за меня: – Тогда давай спросим совета у Белого Шамана.

– У кого? – переспрашиваю я.

– Сейчас увидишь! – поднявшись, она берет книгу со своей полки и садится обратно.

Проведя изящными пальцами по затёртой картонной обложке, она, легко дунув на переплет, раскрывает неизвестную мне книгу с рукописным текстом внутри. Раздается шуршание старой пожелтевшей бумаги, несколько страниц перекатываются слева направо, мелькают абзацы, строчки, буквы, рисунки... Вдруг, резко, как по волшебству, страницы раскрываются примерно на середине книги, и она читает:

* * *

«Верь в свою мечту! Держи мечту под светом. Как семя взращивай. Поливай росой расветов. Показывай только солнцу, и она прорастёт. Держись за мечту, как за ствол заветного дерева. Вместе с ней тянись вверх.

Выше травы зависти, выше кустов неверия, выше лесов сомнений, выше гор страхов. И мечта наполнит твои сосуды. Она будет пульсировать с реками крови. Будет бить в бубны вместе с шаманом твоей души. Прорастёт вместе с тобой. Сквозь все преграды прорастёт!

Держи листья и цветы мечты по ветру. Лови эфиры шансов. Плыви. И мечта вынесет тебя на орбиту, где смелые, восторженные и упрямые кормят с ладони звёзды. Держись своей мечты!»

* * *

Прочитав, Надежда захлопывает книгу, бросает на меня лукавый взгляд, отодвигает свой стакан к окну и снова забирается на верхнюю полку.

Вагон вновь заполняется шумом, но я сижу, не двигаясь, ошарашенная книжным предсказанием, впитывая каждую фразу, стараюсь не потревожить расходящиеся внутри меня круги.

Рядом садится девушка, крутит в руках билет, что-то говорит, кажется, недовольным тоном. Крякнув, занимает своё место седой мужчина с глазами побитой собаки. Вглубь вагона, препираясь, проходят измазанные мороженым дети, жалуясь маме, не отрывающей взгляд от телефона.

Все занимают свои места. Поезд трогается. Он снова везет сотни желаний. Сотни надежд. Каждому кажется, что Мать Городов – это город, который заложен именно для него.

Та-дам-та-дам, та-дам-та-дам, та-дам-та-дам.

Глава 3. Слава

Вот здесь, прямо передо мной, растёт одна из четырех стен. По плану это будет стена с широким балконом на втором этаже. Его украсят резные перила, которые насквозь прошьют тонкие стебли плетистых растений, цветущих большую часть года. Всё точь-в-точь как в доме моего деда.

Утром и вечером балкон будет наполняться ароматами лопающихся от прикосновения первых и последних лучей солнца, мокрых от росы бутонов цветов. А ещё он будет полниться теплыми разговорами.

Опираюсь на прохладный бок серой крепкой стены. Дом будет основательным, как мой Дед. Я и все, кто будут в нём жить, будем под его защитой.

Картина рисуется в моей голове настолько чётко и реально, что я даже рефлекторно поднимаю ногу, пытаюсь поставить её на еще не существующую первую ступень лестницы, ведущей к ярко-синей двери.

Воспоминание взлетело из закров памяти как испуганная птица.

Я наваливался на тяжёлое дубовое полотно, ярко-синее, с оттенком морской волны, но его тяжесть, мне маленькому, не по плечу. И тогда Дед спешил на помощь. Мы вместе открывали дверь и уходили в большой сад.

– Дверь всегда должна быть яркая.

– Почему, дед, обязательно яркая?

– Э-э-э, Славка, многого ещё не знаешь, но запомни. Дверь и окна крась ярко, не бойся!

– Но, дед, почему?

– А это, Славка, чтобы счастье, когда оно будет мимо идти, заметило твой дом и попросилось войти!

Со временем дверь покрывалась всё более и более густой паутиной коричневатых трещин. Они ползли по поверхности и становились глубже и шире. Как морщины на лице Деда.

Я спрашивал: – Дед, а почему бы нам не покрасить двери?

Но и тут мой старик был загадочным и отвечал странно и размыто.

– Зачем портить работу второго художника – времени? Оно украшает всё так, как надо!

– Дед, – донимал я его дальше, – а если время – второй художник, то кто первый?

– Первый, Славка, природа. Вот сейчас придём в сад, сам всё увидишь.

Дед вёл меня за руку и всегда что-то рассказывал по дороге от дома.

Дом. Я строю дом по плану Деда.

Удивительно, но стоит закрыть глаза, как серый квадрат недавно залитого фундамента оживает в моем воображении и обретает новую форму. Я вижу крыльцо, ступеньки, дымоход, дверную ручку, настенный фонарь, каждый камень дорожки. Вижу так ясно и детально, словно дом уже передо мной.

Вокруг дома обязательно будет сад.

В нем соберу цветы, которые пахнут моим детством и расцветают всеми его красками. Первыми станут розы.

Пьянящие кустовые розы. Те цветы, которые без стеснения открывают всю свою сакральную красоту, но никогда к себе не подпускают близко. Цветы, колючие при любом, даже самом лёгком прикосновении – такие же, как самая красивая, но неприступная девушка. Дед говорил, что вырастить розовый куст крайне сложно.

Если речь идёт о безвременниках, тут всё просто. Они непривередливы, им годится любая почва. Тюльпаны и нарциссы не потребуют ежедневного присмотра тоже: «украшай ими альпийские горки и не горюй». Немного сложнее с кудрявоголовой пёстрой астильбой – тень она любит, но при этом чувствительна к застою влаги: в почве переизбыток – погибнет.

Королева цветов – отдельная история: в прихотливости с ней едва ли сравнится какой-либо еще цветущий куст. Роза капризна, не терпит бесплодной земли, никогда не прорастёт пышным цветом на болотистой почве.

Причём сам розовый куст при желании вырастить можно, но, стоит розе хоть на миг усомниться в любви своего садовника, куст уже не зацветёт – что ни делай, как ни старайся. Даже в идеальной для неё рыхлой, слабокислой земле она будет расти, зеленеть, но так и будет «молчать» – не покажет ни одного бутона, если уж решила, что хозяин её недостоин.

«Будь достойным, внук!» – говорил дед: «Будь лучшим!» – ласково взъерошивал он мне волосы и щекотал.

Я ёжился, глупый, и выskalзывал из-под его ладони. Но сильные жилистые руки ловко ловили меня, давали любовный подзатыльник и ещё сильнее взъерошивали мои волосы. Всё бы отдал за то, чтобы сейчас ощутить это тепло мозолистых огромных ладоней самого родного мне большого и мудрого человека.

Если бы не он, я не стоял бы здесь, не наблюдал, как закатные южные лучи золотыми тенями танцуют на моей земле. Память держит, как стержень, и ведёт вперёд, как маяк.

Его хриплый голос звучит в голове и помогает так часто, что порой даже странно и немного страшно. Словно после смерти Дед спустился в узкий светлый коридор между мирами, отодвинул моего хранителя в сторону, а сам занял его место и встал за мое правое плечо.

Если оглянуться прямо сейчас, я увижу вытянутое землистое лицо, изрытое, как шрамами, глубокими траншеями морщин, седую, всегда небрежно стриженую бороду, абсолютно белые волосы и ярко-синие, живые и быстрые, как у ребёнка, глаза.

Его образ я вижу во сне почти каждую ночь. И его голос не покидает.

«Славка, не торопись в процессе – когда растишь красоту и даришь миру радость. Но торопись помогать и торопись творить».

Дед, ты был, как Мариинская впадина – бездонным хранилищем секретов.

Бережно храню его советы, и в моем нагрудном кармане лежат план дома и план сада – единственное, что осталось у меня от него.

«Эй, дед! Неужели там, на небе, нет дел интереснее, чем наблюдать за земными приключениями внука?»

Подумав об этом, я как будто слышу сухой и кричающий смех, и становится легче. Ты по-прежнему где-то рядом. Или это просто доносится из-за деревьев крик вечерней южной птицы?

Глава 4. Марина

Встреча в кафе назначена на пятнадцать ноль-ноль. Сто раз уже позвонила и предупредила о том, что опаздываю. Когда она брала трубку в самый последний раз, голос на том конце провода был полон досады.

– Торопитесь, поживее, пожалуйста. У меня куча дел и телефон садится.

Звонить сто первый раз нет смысла. Нервно нажимаю на экран телефона: уже пятнадцать сорок четыре.

– Можно быстрее? Я очень опаздываю, – подгоняю кудрявого остроносого мужчину в чёрном картузе, ерзя на заднем сидении маленького желтого авто.

Вместо ответа он лишь бросает на меня строгий взгляд через зеркало и затем взмахом ресниц показывает на тесно прижавшихся друг к другу «железных коней». Они так же, как и мы, заложниками стоят на сером, пылающем от несезонной жары, майском асфальте.

Если бы я знала, что поезд задержится и что мне попадется такой нерасторопный водитель! Если бы я знала, я выбрала бы другое время! Если бы я знала, что мое собственное решение разбудит всех демонов страха, живущих в сердце, я не переводила бы деньги за квартиру незнакомой женщине так безрассудно и смело.

Теперь дороги назад нет.

– Спешить бесполезно. Здесь всегда так. Это, девочка, очень большой город, – прерывает мои мысли низкий голос таксиста.

Да, это большой город.

Прижимая к себе сумочку с деньгами и паспортом, смотрю в надменное лицо Матери Городов, в её хищно прищуренные зрачки, в выложенные асфальтом монументальные линии складок ее шикарного бетонного платья, на острые шпильки её небоскрёбов, пронзающие сгущающиеся весенние тучи.

Мне остро необходимо увидеть в её взгляде сочувствие, понимание и любовь.

Тщетно!

Ощущаю только потоки душного ветра, смешанные с выхлопными газами и дымом сигар, летящим из приоткрытых автомобильных окон.

На прощание Надежда пожелала мне доброго пути и дала свой номер телефона, чтобы, если что, я могла с ней встретиться. Если бы все в этом городе были такими же «уютными и в вязаных носочках»... Хочется верить.

Говорят, если верить – так и будет...

И ведь всё так хорошо складывалось! Было похоже, что судьба вручила мне вместе с решением бусы удачи. Ночь, решение, звонок, ответ, согласие, приглашение...

Квартира, которую нашла, – идеальный вариант. Меня устроила и цена, и площадь. Обстановка? Хм... Да любая обстановка после рушащегося домика – это мой Лувр! Думать было некогда. Всё произошло ночью. Странно, что мне вообще ответили на такой поздний звонок. И я согласилась на все условия. Девушка представилась дочерью хозяйки. В качестве залога попросила перевести на карту лишь стоимость месяца, а не двух, как это делают обычно в Большом городе.

Резкий тормоз. Или просто я настолько ушла в сомнения и страхи?

– Беги, девочка, приехали...

Спешно отдаю водителю деньги и пулей выскакиваю из машины. Тяжести чемодана не чувствую, каблуки... да и их я уже не чувствую тоже.

Встреча! Это самое важное. Это мой главный и самый ценный план на сегодня. Рывком открываю стеклянные двери, нежно дребезжит колокольчик и отзывается прямо в моём сердце. Маленький зал кофейни заполнен людьми. Бегаю по нему глазами. Она сказала, что будет в

ярко-зелёном плаще – этого достаточно, чтобы выделиться в любой толпе, но во всем движении, шуме и мелькании людей я не вижу ни намёка на зелёный.

Неужели она всё-таки ушла?

Вдох. Выдох.

Присев у барной стойки, достаю мобильный и набираю номер – недоступен.

Неужели она решила, что я не приду?

– Что-то желаете? – молодой модно стриженный брюнет с бородкой и в белой рубашке обращается ко мне.

– Можно просто кофе? Черный. Без сахара, – говорю, а сама продолжаю глядеть в сердце жизни этого места.

Гул, шум, жужжание.

Мать Городов, как ты выдерживаешь такую трескотню? Я не привыкла к обилию и разнообразию звуков. Ну что ж, все впереди! Привыкну. Буду добиваться твоей любви, буду мириться с твоим несносным характером, буду выполнять твои капризы... Но пока мне нужна эта девушка в плаще цвета весны.

Вдох-выдох.

Цифры на часах сменяют друг друга медленнее, чем всегда. Время дразнит. Оно лениво тянется, словно проверяет мои нервы.

За первой чашечкой кофе следует вторая, потом бокал воды без газа.

Нужный мне номер по-прежнему недоступен и, кажется, я начинаю догадываться, каким сюрпризом Мать Городов отмечает свидание со мной.

Встречаюсь глазами с собственным отражением в зеркалах за барной стойкой.

Вдох-выдох.

Удивляюсь. А ведь еще вчера оно выглядело по-другому. Сегодня мои глаза горят азартом, несмотря на промах. Огненные локоны струятся, словно час назад я вышла не из поезда, а от своего парикмахера «Сони Стрижка» (так она записана в моем телефоне).

Какая-то новая энергия неуловимо витает внутри и вне меня. Так вот ты какая, Морегриня! Ты реальна, ты смела, и ты – точно справишься!

Страх вытесняют любопытство и незнакомое чувство. Снова устремляю взгляд в зал. Что я в нём ищу? Кого? Не знаю...

Компания молодежи у самого входа веселится и обнимается, словно давно не встречавшиеся родственники. Модная парочка влюбленных беседует, то сплетая, то расплетая пальцы, поедая друг друга глазами. Мужчины в офисных костюмах о чем-то живо спорят. Крупная дама с красными губами заказывает уже точно не первый бокал вина и что-то тараторит по телефону, активно взбивая воздух вокруг себя руками. Семейная пара выясняет отношения, безуспешно стараясь говорить потише. Внутри и за окнами лица, люди, тени. Я сколько по ним глазами и упираюсь в самый дальний угол.

Под огромной картиной в расслабленной позе сидит то ли кошка, поймавшая дзен, то ли женщина. В ее руках – телефон. Перед ней на столике – недопитая чашка кофе, крошечная ложечка и цветок розы в округлой вазе.

Она сидит молча, откинувшись на спинку кресла, словно в объятия невидимого любовника. То, что это не манекен, а живая фигура, выдают только ритмичные касания экрана изящным ногтем и красная туфля, раскачивающаяся на большом пальце её ноги и обнажающая стопу.

Смотрю и не могу оторвать взгляд. Мозг, еще не влившийся в ритм нового города и порядком уставший от дороги, не принимает такой визуальный диссонанс – сумасшедший городской улей, в котором каждая единица, как пикирующая свою цель пчела, и застывшая – Она.

– Девушка, вам что-то ещё? – вздрагиваю. Молодой человек-официант с бородкой отрывает меня от созерцания.

– Нет-нет, я рассчитаюсь, сколько я вам должна?

Он, как факир, тут же достаёт счёт и кладёт его перед моими глазами. Взглянув на цифру, безропотно достаю кошелек, вынимаю карту и прикладываю к стоящему на стойке серому терминалу. Терминал пикнув, высовывает язык с чёрными муравьями цифр и букв. Бармен безжалостно отрывает чек, протягивает его мне и забирает пустой стакан из-под воды.

Уже собираюсь уйти, но девушка-кот опять приковывает моё внимание. В этот раз она обнаруживает мой интерес и, как в замедленном кадре, жестом тонкой ладони, приглашает к себе за столик.

Не знаю, зачем я это делаю, но подхожу...

– Садись уже, – она смотрит на меня через щели прищуренных раскосых глаз.

– Я Мокки, – представляется девушка: – Смотрю, ты с чемоданом. Приехала покорять большой город? – она наклоняет голову, откровенно рассматривая меня с головы до ног.

Присаживаюсь рядом. Удивительно, от нее или от раскрывшегося бутона так ярко пахнет? Словно в саду на рассвете. Этот аромат я не спутаю ни с чем. Именно при первых лучах солнца цветы, покрытые дрожащей бриллиантовой россыпью, пахнут особенно. Они пахнут, как, наверное, пахнут звёзды, которые отражаются в каждой капле ночной росы.

Вдыхаю жадно аромат и внимательнее присматриваюсь к незнакомке.

Мокки, не дав мне даже произнести своё имя и ритмично качая красной туфелькой, продолжает свой монолог.

– Ты интересная и располагаешь. Вижу – только прибыла. А я тут давно. Люблю этот city. Я в нём всесильна. Я как будто женщина-кошка. Его ночные улицы возбуждают и заряжают энергией. И ночью я особенно чутко вижу людей настоящими. А днём этот город навевает на меня тоску. Но я всё равно обожаю его. Хочешь, угощу тебя моим любимым десертом? Он называется так же, как и этот город. Когда его ем, как будто вливаюсь в сердце самого города.

– Пожалуй, я не буду есть город, – отвечаю, улыбнувшись.

– Значит, город съест тебя, – смеётся Мокки в ответ: – Ну ладно, дорогуша, не стану тебя страшить, – смягчается она, – ты и так перепугана. У тебя что-то случилось?

– Случилось, – вздыхаю я: – Похоже, меня обманули. Оплатила квартиру заранее, а хозяйка не дождалась. Мы должны были встретиться с ней здесь. Девушка в зелёном плаще, так она сказала.

Мокки пододвигается ближе ко мне. Болтающаяся туфелька падает на пол.

– В зелёном плаще? – переспрашивает она заговорщическим тоном, откидывается к спинке стула, вновь принимая первоначальное расслабленное положение: – У меня есть хорошая новость. Она здесь была! Долго сидела, потом отдала что-то бармену и ушла. Ты спроси у него.

Вдох-выдох.

Чувствую, как тёплый медовый чай надежды заполняет опустевшую чашу моей души. Медленно подхожу к стойке. Так медленно, чтобы не расплескать этот напиток.

Вдох-выдох.

– Подскажите, а вам ничего не оставляла для меня девушка в зелёном плаще?

Спрашиваю, а сама боюсь услышать «нет». Ведь тогда вдруг наполнившаяся надеждой чашка не просто опустеет, она разобьется о надменно серые каменные проспекты человеческого обмана.

Вдооооооох...

Бармен пристально смотрит мне в глаза и произносит: «Вы – Марина из маленького города?»

Выдох...

«Да- да- да-да-да! Я та самая Марина, из того самого маленького города! Я тебя готова расцеловать незнакомый, прекрасный, бородатый, добрый ангел в белой рубашке и фартуке бармена», – так во мне кричит каждая жилка, каждый нерв. Вслух я могу только выдохнуть:

– Да, это я. Мы должны были встретиться. У меня есть адрес, эта девушка должна была мне отдать ключ.

– Она передала вам ключ, – утвердительно кивает головой бородач: – Очень торопилась, но оставила вам его у меня, до вечера.

Блестящий, серый. Его приятная прохлада в моей ладони. Вот он, ключ, который открывает пусть не все двери, но самую важную для меня на сегодня. Почти пританцовывая, возвращаясь за столик к своей новой знакомой и показывая ей свой клад.

– Ключ! – мягко сложив губы, она едва слышно присвистывает: – Да ты везучая!

– Я так вам благодарна. Если бы вы мне не подсказали, я бы уже покупала билет обратно. Как могу вас отблагодарить?

– Ну, для начала всё-таки скажи, как тебя зовут?

– Морегриня, – отвечаю, не замешкавшись ни на секунду. Это имя, определённо, приносит мне удачу!

– Отличное имя, – говорит Мокки, хитро подмигивая: – Что ж, Морегриня, будем знакомы. Пошли на улицу, хочу покурить, да и, честно, здесь мне уже порядком надоело.

Глава 5. Слава

– Здесь работы ещё на полгода. А ты хочешь за три месяца. Командир, это ж очуметь можно! Ты хоть и правильно денег даёшь, но у нас тут, на юге, так быстро не работают. У нас любят как? Мы чешуёй не блестим, мы работаем с чувством, с толком, с расстановкой...

От воспоминаний о деде и мыслей о доме отвлекает назойливый, с характерным южным цоканьем, голос Михалыча. Смешной ушлый прораб с телосложением кузнечика и портфелем в руке – местная легенда.

– А мне до этого что? Слушай, Михалыч, четыре месяца копаемся. Уже конец мая. Самые сложные работы проделаны, так что давай не рассказывай мне! – пытаюсь приструнить работника: – В конце лета хочу заехать. Пусть не весь дом сдадите под тапочки, но первый этаж должен быть жилым.

– Командир, ну, гнать волну не будем... Можно прикинуть, – цокает он: – Только вот доплачивать придётся.

Беспокойный и суетливый прораб бросает быстрый взгляд на свою сумку. Зачем ему портфель, одному строительному богу известно. За всё время, пока мы с ним общаемся, он ни разу его не открыл и не достал оттуда ни одного документа. Но всегда и везде ходит с ним в обнимку.

– Да у тебя от денег уже кошелёк распух, – решаю глупо пошутить и показываю на его потрёпанный портфель, который вот-вот лопнет то ли от важности, то ли от объемного содержания.

Спрыгиваю с опалубки и натываюсь на немой вопрос в глазах.

– Да расслабься! – меня разбирает смех от его глупого вида: – Пошутил я насчёт твоего чемодана. Уж не знаю, что ты там такое драгоценное носишь, что из рук не выпускаешь.

По бегущим глазам вижу – прораб нервничает. Наверное, готовился к долгому спору и ожидал, что придётся объяснять причины задержки стройки, ругаться, доказывать, аргументировать. Но не в моём случае. Когда человек сам работает руками, для него понятны все сложности процесса.

Отлично знаю про непростой подъезд к участку, крутой уклон склона, коммуникации, которые докидываются издалека, да и солнце этой весной палит как сумасшедшее.

Пока прораб чешет затылок, прикидывая, сколько можно отхватить, прислушиваюсь к недалеко присевшим мужикам-строителям. Подозрительно вальяжные, они смахивают пот, курят махорку и смачно сплёвывают, разговаривая на том красноречивом языке, от которого даже у меня краснеют уши.

– Э-э-э, – прораб растерянно почесывает лоб и выносит вердикт: – Ну хотя б в четверть больше.

– Стоп, стоп, стоп! – говорю я.

Прерываю диалог и направляюсь к развалившимся работникам. Прораб-кузнечик влёт преодолевает дистанцию и пытается отвлечь меня пустыми вопросами, но я уже понимаю причину его нервного состояния. Амбре местного крепкого напитка сбивает с ног на подходе.

– Командир, ты это... Это они на кочерге уже приехали. Не собирался их ставить на объект. Я себе не враг. Ты не думай! Я собирался их обратно отправлять...

– Это что? Это у вас так принято работать? – волна праведного гнева накрывает меня с головой: – Так что ты там говорил про надбавку? Никакой надбавки. Меняешь всю бригаду. Всю. Из этих, чтобы я ни одного тут не видел больше. Находишь мне трезвых и опытных профи. Услышал – профи! Сдаёшь объект, как и договаривались, через три месяца. Если не справишься, буду менять и прораба. Чего мельтешишь? Отправляй прямо сейчас всех назад. Я жду.

Пока бригадир-недотёпа, так и не выпуская своего портфеля, суетится и распахивает по машинам нетрезвых работников, окидывая взглядом стройку и участок: серый квадрат фундамента, устремившиеся вверх основания стен, разрытую землю, заваленную горами накрытого материала.

– Ну, всё сделано! – раздаётся запыхавшийся голос Михалыча: – Всех отправил, всех, как есть, повыгонял. Сейчас метнусь, и, ей-богу, завтра уже будут работать новые, профи. Командир, ну точно будет без косяков. Ты же знаешь, мы умеем делать конфетку.

– Знаю, знаю, ладно. За столько времени первый косяк. Но следующего не потерплю. Ты меня тоже знаешь. Скоро приеду, проверю.

Хлопаю его по плечу на прощание.

Пока шагаю к машине, шурясь от обезумевшего майского солнца, вспоминаю, как в таких случаях поступал Дед. Он никогда не терпел ни буйных возлияний, ни орущих толп, ни криков, ни тем более дурных работников.

Он и сейчас словно стоит передо мной.

Я не принял его уход. Запретил себе даже думать об этом. Для меня он всегда живой. Просто уехал по делам куда-то, как часто и делал, пока крепко стоял на ногах. Дед всегда стремился быть везде и делать много.

Он, земля и розы приучили меня к тому, что нужно много работать и всему дарить искреннюю любовь.

«Ни цветок, ни дерево, ни земля, ни дом, ни человек не могут без любви».

С его генами мне передались любознательность, дисциплина и вечный поиск справедливости и красоты. Незримая наша связь не разрывается. Так явственно его ощущаю на этой земле, что и сейчас он почти осязаем, и я не сдерживаюсь:

– Помнишь, Дед, ты не разрешал брани и пьянства в своем доме? – слышу свой голос, как будто со стороны: – Вот и я в своем не потерплю. Буду как ты. Буду достойным тебя. Буду лучшим! Я строю дом и сад. По единственно верному плану – по твоему плану.

Завожу машину и медленно выезжаю с участка: каменистое бездорожье под колесами дает почувствовать рельеф живой земли, еще не тронутой строителями и бетоном. Машина покачивается на кочках и, переваливаясь с колеса на колесо, ползет к трассе. Если бы я мог, я бы запомнил каждую из этих кочек, каждое дерево, каждый глоток воздуха, каждый сантиметр земли вокруг будущего дома. Сложил бы это в свое сердце и закрыл на замок, чтобы потом, когда все станет другим, вспоминать дикую красоту первозданности этого места.

Прошло много лет, прежде чем разыскал и выбрал землю под дом. Куда только не забрасывало меня желание найти именно свой кусок земли. Искал участок и в городе, и далеко за городом, и на береговой линии, и у трассы с хорошей развязкой.

Ездил на встречи, смотрел, приценивался и понимал, что сам не знаю, чего хочу. Но, когда увидел эту землю, желание посмотреть что-то еще сразу исчезло. Я почувствовал это в тот момент, когда автомобиль риэлторов провозил меня сквозь негустые, но раскидистые заросли южного леса, через величественный, кем-то заботливо высаженный строй кипарисов.

В тот момент, когда нога ступила на незнакомый, неидеальный квадрат южной земли, в голове у меня был только один ответ: – Да!

Так всегда бывает, когда находишь свое.

Мой дом заложен на подъеме. Слева, далеко-далеко, виднеются черепичные крыши чьих-то с любовью выстроенных коттеджей из белого и красного кирпича, позади – редкий лес из низкорослых деревьев, зарослей папоротника и кустарника, справа – каменистый спуск к трассе, впереди – тот самый вид на мерцающую в утреннем солнце мечту по имени Море.

С этого участка оно выглядит близким и, кажется, если хорошенько разбежаться и сигануть вниз, можно с высоты нырнуть прямо в его перламутровые мягкие воды.

Кочки заканчиваются, и мой хорошо поживший джип выезжает на трассу. Стрелка на спидометре сразу подскакивает вверх. В тот же миг замечаю едва уловимое движение на склоне справа от дороги, резко выжимаю газ и смотрю в зеркало заднего вида.

В груди холодеет. Огромные камни отделились от горы, подняли пыль, свалили тонкие деревца, наломали сосновых веток и с грохотом обрушились серой машиной на трассу. На том отрезке, где я был минуту назад.

Сели в этом районе явление редкое, но случаются. Агенты говорили: лучше ездить другой дорогой, более длинной и менее живописной. Я, как всегда, не послушал.

Тяжело дыша, смотрю на лежащие позади булыжники. Сердце ухает в груди.

Повезло? Конечно! В очередной раз.

Глава 6. Морегриня

Привет, Мать Городов!

Морегриня готова вдохнуть тебя полной грудью. Ты, определённо, мне рада.

Выходим с новой знакомой из кафе, в котором, как мне кажется, прошло не два часа, а целая вечность.

– Здесь недалеко тихий сквер, пойдём, я покурю, – ведет меня Мокки.

Огромные улицы полны людей, машин, голосов, запахов. Движемся вдоль проспекта, и, пока я жадно вглядываюсь в лица зданий и людей, Мокки, цокая каблучками и постукивая ногтем по экрану, даже не отрывает взгляд от своего телефона.

Сквер оказывается совсем рядом – пройдя мимо нескольких домов, мы поворачиваем налево, проходим через круглое жерло арки и оказываемся в безлюдном и зеленом месте, выбивающемся контрастом из суеты, шумевшей вокруг лишь минуту назад.

Присаживаемся на лавочку.

Мокки жадно курит, наконец, убрав телефон, а я достаю листок с адресом и пытаюсь понять, каким образом лучше добраться до места.

– Куда тебе? – выпуская одно облако дыма за другим, она кивает на листок в моих руках.

– На Запущенскую, – читаю непривычное мне название улицы и прибавляю: – Я еще не знаю, где это.

– У-у-у, – протягивает Мокки: – Это очень далеко от центра. Окраина. Далёкая-далекая окраина, – многозначительно протягивает она.

– Окраина, значит, – повторяю за ней задумчиво.

Окраиной меня не испугать. Ведь самая окраина – это мой бывший Город Маленьких Домов. А здесь, за такие деньги, всё равно где, главное, я в твоём доме, Мать Городов.

Телефон, навигатор. Вбиваю «Запущенская, дом 14».

Подозрительный звук падающей тяжести взрывает парковую тишину, и прилетевший к ногам блестящий замочек жалко клацает о витую чугунную ножку лавочки.

Моя нагловатая знакомая оказывается первой проблемой.

– Ой, я сегодня такая рассеянная, – пожимает плечами Мокки и, заламывая руки, делая при этом невинные глаза, добавляет: – Прости, прости, дорогуша, чуть не упала на твой чемоданчик! Теперь придётся точно такси вызывать, ну не поедem же мы в метро или в автобусе с поломанным чемоданом!

– Это ты называешь «чуть не упала», да он же теперь даже ремонту не подлежит! – ворчу я и спешно собираю обратно всё содержимое моего развалившегося от неаккуратного движения Мокки чемодана. Вздорная дамочка не торопится помогать, а только сыплет свои: «Извини, дорогуша», «Ну, не дуйся, дорогуша», «Ну, я же не специально».

Что ж, об экономной поездке можно забыть. Вызываю такси под её неугомонное щебетание и заверения помочь дотащить вещи.

Какая ты огромная, Мать Городов! Сквозь стёкла автомобиля мелькают окна твоих железобетонных муравейников. Тысячи снующих людей-муравьёв заносят и выносят из них разговоры, дела, суету и энергию. Эта та энергия, в вихре которой я буду кружиться.

Мокки, видимо, чувствует вину. Она молчит, но по-другому и быть не может. Болтливый мужчина за рулём – удивительный человек-оркестр. Сами того не ведая, мы в одном лице получили водителя, гида и тамаду.

Ни на минуту не замолкая, он рассказывает свои многочисленные истории. Вот он, как фокусник, достаёт историю про узкую улочку, напротив которой машина остановилась на светофоре. Следом идёт длинный мост, и над ним мы слушаем длинную историю про то, как здесь лопнула шина. Затем следует рассказ, как строился большой магазин, витрины которого отра-

жаются в нашей, проносящейся мимо, белой машине. Бонусом нам раскрывают секрет, что вот тут обманывает кассир. А вот здесь вчера у него... А вот здесь... И так – бесконечно.

Мокки с начала нашего маршрута не проронила ни слова и всем видом показывает, как она устала от этой прозы жизни маленького таксиста в большом городе, но мне всё интересно. Эти рассказы наполняют смыслом каждый сантиметр Матери Городов, каждый из них становится осязаемым и каким-то сразу знакомым.

Улицы начинают темнеть так же медленно, как едет наше авто.

Спектакль одного водителя прерывает звонок телефона. Это может быть хозяйка квартиры. Торопливо роюсь в сумочке. Расчёски, кошелёк, салфетки, помада, печенки... печенки... да где же этот телефон?! Звонок терпеливо продолжает разрывать вдруг возникшую тишину. Под очередной пачкой печенья я наконец-то нащупываю его.

– Алле. Марина, это вы? – голос хозяйки.

В ответ почти кричу, что это я, что я счастлива, что ключ в моем кармане, что я еду и скоро буду на месте.

– Ну что ж, отлично. Вернёте мне деньги за услугу. Мне пришлось заплатить бармену, – деловито уточняет она: – Завтра с утра я заеду всё вам показать. Познакомимся. Располагайтесь, и до завтра.

– До завтра, – отвечаю я.

Моё завтра уже наступило, и оно – уже сегодня. Я к нему уже подъехала.

Вместе с незнакомкой из кафе выходим возле пятиэтажного дома. Судя по количеству бабушек, расположившихся на дворовых лавочках, перед нами собрался весь цвет дома. А сам дом, судя по его стенам, окнам и дверям старше всех этих вместе взятых бабулек. Но он в моём новом долгожданном сегодня.

Проходим с Мокки сквозь десяток любопытных взглядов. Чувствую, как они расстреливают наши спины. Стрельбу прерывает закрывающаяся дверь подъезда.

Этаж. Ещё этаж. Ещё этаж. Квартира номер 8. Мы заваливаемся. Нащупываем выключатель. Щелчок. Темнота. Снова щелчок. Темнота.

– Да, ты точно везучая.

Не вижу глаз Мокки, только слышу её добрый залиvistый смех. Нащупываю в темноте телефон и зажигаю фонарик. На высокой обувнице заботливо приготовлены свечка и спички. Что ж, значит, это не исключение.

Всё это выясним завтра. А пока пробираемся по коридору в комнату.

В квартире уже мало что видно, мы зажигаем свечку. В её свете Мокки кажется ещё выше и тоньше, чем в кафе.

– Ну всё, дорогуша, ты тут обосновывайся, а я побежала. Женщину-кошку ждут крыши небоскрёбов и приключения. Когда-нибудь расскажу тебе про них. Сейчас наступает моя пора. Увидимся, – Мокки разворачивается и испаряется в узком дверном проеме.

Глава 7. Морегриня

Мой Лувр случился. И пусть он оказался порядком выцветшим – произошло.

Лежу на разбитом диване и оглядываю стены нового пристанища. Всё имеет оттенки цветов, выстиранных самой беспощадной прачкой – временем.

Когда-то коричневые тяжёлые шторы – с вытертыми и лоснящимися широкими подхватами. Когда-то белоснежная лепнина с бутоньерками и причудливыми завитушками в центре и по краям – у посеревших углов потолка. Когда-то зелёный абажур с бахромой, висящий над столом, – закрыт ажурной пожелтевшей скатертью.

Взгляд переползает на стену. Когда-то красные обои с витиеватыми золотыми орнаментами...

С ума сойти – надо мной висит ковёр. А вот его время не постирало. Он такого яркого цвета, словно только что с ткацкой фабрики или откуда они ещё – эти ковры?

Сажусь. Ноги касаются когда-то парадного паркета, который точно был предметом гордости своих первых хозяев. Старый, дощатый, заботливо сложенный «ёлочкой». И оттого, что его клали мастера очень давнего прошлого, он практически полностью сохранился. Даже местами горделиво поблескивает потрескавшимся, повидавшим немало ног потрескавшимся лаком.

Мне от всего этого как-то даже хорошо и уютно.

Хотела Лувр? Получила Лувр!

На всём следы былого величия и парадности. Ну и пусть сейчас это всё обветшало! В старое окно громко дышит и пристально на меня смотрит Мать Городов. Она приняла меня. А дальше, Морегриня, действуй.

Страх подкрадывается незаметно. Ноги становятся ватными. И вот, кажется, что и старый паркет превращается в зыбкое, плавающее вещество.

Наверное, у каждого, кто вступает на новую дорогу, рано или поздно наступает тот момент, когда ты умираешь в своем прежнем, ленивом, надеющемся и инертном теле. В этот миг ты понимаешь – Деда Мороза не существует: и никто не принесёт тебе подарки, не исполнит твои мечты за тебя.

Правда пронзает тебя, острая, как бритва. Всё сама!

Неуверенно отхожу от лежака, направляюсь к высокому зеркалу на стене.

Из отражения на меня смотрит не прежняя Марина. Другой, совсем другой взгляд. Новое чувство и какая-то новая сила. Её выдаёт едва заметное свечение изнутри. Эта сила огромна. Она удерживает. Свечусь, как самый яркий квазар, и стою ровно и гордо перед заляпанной зеркальной гладью.

За окном Мать Городов. За окном новая жизнь, а тут, в этой старой комнате, совсем новая Морегриня. Сама добывай, решай, находи. Сама занимайся жизнью и самыми важными делами. Больше нет места раздумьям!

Да, перед рождением бабочка должна пройти пустоту кокона. Только когда умирает надежда, просыпаешься ТЫ и ТВОЯ СИЛА!

Набрасываю цветастый халат и собираюсь строить план подвигов на день. Звонок в дверь подтверждает правоту моего намерения.

В двери входит молодая женщина в том самом мокром плаще цвета весенней травы.

– Елена! – произносит она, переступает порог и бросает открытый зонт у двери. Потом, не протягивая руки, стремительно проходит в комнату и садится на когда-то синее кресло, с львиными мордами на деревянных ручках.

Елена, судя по всему, моя ровесница. Она смотрит недобро, и львы под её рукой, кажется, сейчас откроют пасть и скажут: «Катись девочка из этого дома и из этого города».

– Буду с вами откровенной, огорчена первой встречей, – поджав губы, начинает она: – Вы, наверное, не понимаете, как дорого сейчас время. Из-за вас я опоздала по очень важному делу, – произносит она твёрдо, не скрывая досаду во взгляде и в голосе.

Набираю воздух в лёгкие. Рассказываю о том, что совсем не хотела никого подводить и сама чрезвычайно волновалась. Искренне приношу свои извинения. Заверяю, что всё оплачу. Прерывая свои обрывистые оправдания, выбегаю в прихожую по паркетному полу, ещё не совсем разбираясь в странном длинном коридоре, нахожу свою сумку, возвращаюсь в комнату, достаю деньги и кладу на стол.

– Вот! – отвечаю ей голосом самой воспитанной девочки: – Как вы и просили. Возвращаю вам расходы и готова оплатить квартиру за три месяца вперед.

Девушка тает прямо на глазах. Львы под её рукой сменяют оскал на улыбку. Твёрдая рука, которая ещё минуту назад нервно тербила их гриву, обмякает, и Елена расслабленно откидывается на спинку кресла. Теперь я слышу совсем другой тон.

– Это другое дело, Марина, хорошо. Честно говоря, могу понять. Моя мама сама когда-то так же, как и вы, приехала в этот город. И все мы люди. Бывает разное...

Она оглядывает всё вокруг: перескакивает взглядом на разбитый чемодан, на мои разбросанные вещи и упирается в помутневший стаканчик с оплавленной свечой.

– А-а! Вижу, что вы свечку нашли и зажигали. Значит, опять это всё выключилось!

Она на секунду задумалась, но тут же продолжила, не давая мне встроиться в монолог.

– Сразу хочу вам все объяснить и успокоить вас. Всё было нормально, но вот как раз перед вашим приездом что-то случилось. Мистика! – говорит она быстро, чуть смущённо и, произнося последнее слово, пожимает плечами.

– Стал вдруг вырубаться главный автомат. Всё можно исправить и объяснить. Дом всё-таки дореволюционных времён. Пока мама не приехала, не сможем разобраться, в чём дело. Но счётчик в подъезде, и это поправимо. Пойдёмте, Марина, я вам покажу

Я согласна на то, что периодически не будет света. Я согласна побыть ещё немного Мариной. Я послушно иду за ней.

– Вот и всё!

Она отщёлкивает вверх кнопку внутри серого ящика.

– Теперь свет есть! Проверим?

Возвращаемся в открытые двери. Внутри всей квартиры горит свет.

– Ну вот! – выдыхает Елена с шумом.

– Марина, надеюсь, это не проблема? Тем более, сами понимаете, такая цена. Таких цен в этом городе просто нет, – разводит она руками.

Я не даю ей продолжить. Зачем?

– Елена, я всё понимаю, и, честно, меня всё устраивает, как мы и говорили. Я ограничена в средствах, но у меня большие планы.

Она, не скрывая, снова облегченно выдыхает. Озвучивает мне правила поведения внутри квартиры и правила разговоров снаружи – с местными бабушками.

Смеюсь: «С кем, с кем, а с бабушками я умею договариваться. В нашем маленьком городе все мои соседи и соседки были 60+»

Елена выбрасывает остатки воздуха из лёгких, достаёт договор. Мы прощаемся, крепко пожав друг другу ладони. Закрываю двери – и снова: «Привет, мой Лувр!»

Глава 8. Слава

Везение пришло после смерти деда.

Бывают потрясения, которые меняют ход всей твоей жизни. И ты понимаешь: мир уже не будет прежним. Ты перерождаешься вместе с ним. Кто-то влюбляется, у кого-то появляется ребёнок, в кого-то попадает молния, с кем-то случается авария, кто-то теряет близких. Я отношусь к последним.

Не могу сказать, что его уход был полной неожиданностью. Два инсульта парализовали ноги, и врачи говорили, что третий будет последним.

Дед держался молодцом. Сам себя лечил настоями и травками из своего сада.

«Вся сила в моём чае», – говорил он. Может, благодаря своему чаю, а может быть, благодаря своей силе, он долго обманывал судьбу и удивлял врачей. Те, в свою очередь, разводили руками и недоумённо приподнимали очки, рассматривая его очередные анализы.

Дед, дед... Время и судьба не были твоими нежными подругами, которые питают любовью и заботой. Они были беспощадны, как сварливые злые бабы, которые только и знают, что отнимать, требовать, ранить.

Я зол ни на них, они рано отняли у меня твоё тепло. Я долго был зол на тебя. И мою бдительность ты смог усыпить.

Ты не берёгся и сгорел быстрее, чем мог бы. Ты был постоянно требователен, справедлив и беспощаден к другим, но беспощаднее, чем ко всему миру, ты относился к себе. И ты не жалел сил, здоровья, времени.

Однако больше всего я зол на себя: ведь не хотел же уезжать на учёбу, как чувствовал. Ты настаивал, и я послушался, как обычно, как и всегда. Тебе я подчинялся беспрекословно.

В этот раз нужно было послушать не твоё резкое «езжай, Славка», а своё сердце. Но ведь ты не разрешал слушать сердце. Вот оно и обмануло.

«Живи, Славка, и не останавливайся, не оглядывайся. Не оглядывайся на свои страхи, на слабости, на других людей, на грубые слова и на чужое неверие. Даже сердцу не верь – что эта глупая, вечно нервная мышца подскажет? Верь душе и верь природной чуйке. Кто как её называет. Но, по мне, чуйка – самое верное.»

«...Он ушёл, видать, ночью. Мы утром пришли, а он того», – рассказала мне потом тётка.

Я прилетел первым же самолётом.

Всё, что было во мне до этого, вытеснила боль.

Боль неслась по венам, умножаясь, бурля и пенясь...

Дед! Я плакал, как выброшенная на дорогу жизни, никчёмная собака. Не стеснялся слёз и ругательств. Ненавидел себя в тот момент, как ненавидят самого презренного врага. Не смог обнять тебя на прощание. Не попытался согреть твоё остывающее сердце. Не успел сказать тебе то, что никогда не произносил вслух, я держал эти слова до часа... До последнего часа, и вот ...

Я самый последний дурак на свете... Час настал, но эти слова не понадобились. Их было некому сказать. А мне нужно было тебе сказать так много: слов любви, слов поддержки, слов благодарности.

Даже когда уже совсем сдал и не мог подниматься с постели, дед оставался бодрым, остро чувствующим жизнь и журил меня, своего «единственного внука-балбеса Славку».

Да, я не был единственным внуком, но дед не признавал никого, кроме меня. Он отпускал острые шуточки про наших родственников, давал мне указания по работе в саду и даже говорил, куда мне следует отправиться попробовать свои силы после его смерти.

– Дед, куда я не собираюсь, – сидя за столом возле его постели, я расчерчивал схему для нового проекта: – Закончу институт и останусь в твоём доме, буду ухаживать за нашим садом и работать удаленно.

Помню тот день, как сейчас. Кажется, я был совсем другим, хотя прошло всего-то меньше десяти лет – не так уж и много. Уже тогда, когда я учился в большом городе на «заочке», параллельно брал много работы. Сначала было сложно справляться, но гены Деда – это гены победителя.

– Ну и балбес, – подтрунивал он, вновь и вновь называя меня балбесом. Но «балбес», произнесённое его старческим голосом, звучало, как самое горячее признание в отцовской любви. Дед с ранних лет заменил мне и мать, и отца.

– Балбес, Славка. Всё идёт правильно, всё в жизни. Не прощёлкой возможности, не сиди сиднем. Двигайся, меняйся, ищи птицу – удачу, а найдёшь – не упускай. Не будь, как наши лодыри-родственники.

Дед не любил наших родных, они отвечали ему взаимностью. Сколько помню этого ворчуна, он никогда не одобрял никакие пороки. Хотя всегда признавал, что и сам не без них.

Он рассуждает, слегка приподнимаясь на руках и заглядывая в монитор компьютера через моё плечо. Чувствую, как внимательный взгляд пытается разглядеть линии на экране, но жилистые, покрытые морщинами руки быстро слабеют, и Дед с болезненным вздохом опускается обратно на подушки. Я увлечён чертежом, но все равно внимательно слушаю.

– Не дури, Славка! – настаивает он, шумно прихлебывая своим специальным лекарственным настоем: – Соглашайся на лучшее и всегда иди к тому, чтобы строить своё. По жизни надо летать. Что это за жизнь с подрезанными крыльями? И вообще, следи за своей чуйкой, она вещь надёжная...

– Дед! Хватит думать о будущем, как будто тебя там не будет! – я обрываю его, как всегда, когда разговор переходит в нотацию. И каждый раз слова даются через боль.

– Где-то ты умный, а где-то балбес!

Ну вот, опять! Почему все старики так любят пытаться близких разговорами о своей смерти? Обернувшись к нему, я хочу сказать, что он крепкий, сильный, проживет ещё не один год. Но натыкаюсь на недовольный взгляд, гуляющий по моим чертежам через сидящие на носу очки. Видимо, он взял листы с прикроватной тумбы.

– Что не так? – спрашиваю взволнованно, ловя выражение его лица. Проект, и правда, серьёзный, корпел долго, ошибок быть не должно.

– Ну как это «что»? А сам не знаешь? – Дед сердито поправляет очки и тычет крепким пальцем в мой лист: – Ты же в центральном ансамбле собрался почти друг на друга посадить розмарин, мяту и лаванду! Понимаю, в уходе они простые: и стричь легко, и по фактуре контраст интересный. Но размеры кустов и, что особенно важно, корни-то, корни! Особенно, у розмарина. Забыл, как вымахают? Да и мяту, лучше в горшке садить сразу, чтобы корневища не расползались... Почему это не отметил?

– Корни, говоришь? – сажусь рядом с Дедом и вглядываюсь в чертёж.

– Ты зачем их так близко жить селишь? Лаванда боковыми ветками раскинется. А розмарин задавит корнями! – он тычет пальцем в квадрат по центру: – Через месяц всё загнётся, и получишь вот – целый ромб голой земли! – дед кидает лист на колени и показывает размеры куска.

– Точно... – бью себя ладонью по лбу: – Что б я без тебя делал! Спасибо! – кидаюсь его обнимать.

– «Что б делал, что б делал», – смешно передразнивает Дед и, радуясь своей нужности, размякает в моих объятьях и улыбается. Живые быстрые глаза смотрят добро и говорят то, что мужчинам не принято говорить друг другу. И Дед не говорит. Но облачать его отеческие чувства в слова и не нужно: они и так витают в воздухе и наполняют мои дни.

– Работай и учись. Иди! – как всегда, дотянувшись до моей головы, он легко взъерошивает мне волосы.

Только руки уже не такие крепкие, как раньше. Совсем слабые. Да и я больше не вырываюсь и не убегаю, а наоборот, стараюсь как можно дольше побыть с ним рядом.

Тогда я был уверен, что навсегда останусь в его доме. Буду ходить по ярким половицам, связанным вручную, на скрипучих лесенках крыльца пить специальный «Царь-чай» по дедовскому рецепту и много работать в беседке большого фруктового сада.

Но как только Деда не стало, случилось то, чего я меньше всего ожидал.

Когда сердце перестало кровоточить, когда рваная боль потери затянулась тонкой плёнкой смирения и принятия, в мою жизнь, как внезапная буря, ворвалось неведанное раньше чувство. Это было желание покинуть вчера ещё такой родной дом с синими ставнями.

Оно налетело как огнедышащий дракон, сломало все выстроенные мной баррикады и бурлящей лавой растеклось по всем уголкам ещё скулящей души.

Свобода пришла на смену боли.

Другая какая-то свобода. Та свобода, которая схожа с взрослением. Словно я проснулся в новом мире, в мире, где я совершенно одинокий, сильный, взрослый мужчина. Это было ощущение расправленных плеч, оно рвало мои рубахи, вытесняло и выжигало из уютного прошлого, которое вмиг стало тесным.

Как я ни старался, не смог больше влезть в знакомые будни, уместить себя, испуганного и нового, в прежних вещах, в атаковавших меня родственниках и даже в дедовом, скрипящем половицами, доме.

Обжигающая правда и свобода, нет, они не подарили мне крылья, они больно пнули меня под зад. Казалось, что из-под ног ушла земля, но я не упал.

Что-то сломалось от утраты самого близкого человека. Что-то разломилось, и из образовавшейся трещины показался новый мир.

Глава 9. Морегриня

Исследую свой музей дореволюционных интерьерных сокровищ позже. А сейчас... Да, у меня масса вредных привычек. Среди них – краснеть, когда смущаюсь, грызть ногти когда нервничаю, и музыка. Громко! Без неё мне никак! Музыка – мой второй кофе. Под неё я принимаю душ и самые важные решения. Под неё я работаю и отдыхаю. Под музыку я засыпаю и просыпаюсь, печалюсь и радуюсь. Как сейчас!

Так, где мой телефон? Мне срочно нужна музыка.

Включаю так громко, как только могут петь колонки битого-перебитого старенького смартфона. Мои личные музыкант и танцовщик получают разрешение на свободный полёт.

Ноги подпрыгивают и кружатся по старенькому паркету. Вся пыль, когда-то осевшая на мебели, балдахинах и коврах в этой комнате, вьётся вместе со мной в радостном вихре предвкушения знакомства с Матерью Городов.

Танцую самый мистический танец, что может быть: танец бесстрашия и нетерпеливого ожидания. Эти танцы танцуют только оптимисты, сумасшедшие и те, кто смог дотерпеть до утра вечеринки. Я сейчас – и первые, и вторые, и третьи. Я сейчас все они: не в себе, немного опьянённая от радости случившегося и в надежде на счастливые новые встречи. Я уже не Марина. Я танцующая сумасшедшая Морегриня. Именно она смогла вырвать меня из бесцветного прошлого. И она теперь всё больше и больше – я.

Примеряю платья и выбираю. Это долгожданное свидание с Матерью Городов, я должна встретить судьбу в самом красивом наряде.

Бубны шамана звучат в моей голове всё громче.

Хотя нет!

Это стучат не бубны. Это стучат в дверь.

Выключаю музыку.

«Странно, кто это может быть?» – думаю я, а сама уже шлёпаю по коридору. Какой же он странный. Пробираюсь сквозь старую мебель, сквозь зеркала, сквозь лежащие повсюду связанные стопки книг и распаиваю дверь квартиры.

В нос бьёт запах старого бабушкиного сундучка. В уши лезет визгливый незнакомый громкий голос. В глаза – невероятные краски.

– Нет, это просто возмутительно!

Корпулентная женщина, в ярком шёлковом пеньюаре с павлинами и в накрученном вокруг головы большом сиреновом тюрбане стоит на пороге. На руках у неё примостился пушистый чёрный кот. Яркая незнакомка, пытаясь пробуравить меня огромными глазами в роговых очках, не жалеет своих голосовых связок. Она распаляется на весь подъезд. Чувствую, как соседи припали к своим дверным глазкам и приложили уши к дверным щелям.

Судя по взгляду и наострѣнным ушам кота, тот полностью согласен с возмущениями, изрыгаемыми на меня его хозяйкой.

– Что-то случилось? – задаю я робко вопрос, при этом смотря не в глаза новой знакомой, а в жёлтые зрачки её кота. Кот моргает, выворачивается и, словно осознавая недоброе, не отпуская моего взгляда, лениво сползает с любящих рук и мягко приземляется на подъездный плиточный пол.

– Вы ещё спрашиваете!? Это возмутительно. Я живу этажом ниже. Я – писатель!

На слове «писатель» моя цветастая незнакомка делает усиленное ударение и выглядывает из-под очков, расширив глаза ещё больше. По её сценарию, видимо, я должна попросить автограф или экземпляр книги, но вместо этого я имею неосторожность, произнести:

– Так вы моя соседка?

– Я ваша соседка?! – женщина взвизгивает от накрывающего её возмущения.

– Господа, вы слышали?! – обращаясь к невидимым господам, которые притаились у дверных глазков и щелей, она крутит атласным тюрбаном в разные стороны, разводит руками и, подбоченясь, продолжает на тех же высоких нотах:

– Милочка, вы вообще на каких основаниях находитесь в этой квартире? Я вас тут никогда не видела. Это квартира Инны Назаровны. Вы ей кто?

Перед глазами проносятся вчерашние картины: многочисленные бабушки, любопытные взгляды, острые слова. А ведь мне тут жить, между прочим, три месяца. Я решаю смягчить тон и перевести разговор на новую тему.

– Извините, я не представилась. Меня зовут Морегриня. А вас?

Протягиваю руку, но женщину в павлинах несёт как паровоз, у которого отказали тормоза.

– Меня зовут Изольда Иосифовна. Повторю – я писатель. И я требую полной тишины. В этом подъезде моё вдохновение чтут. Милочка, если вы намерены проживать с нами в добром общежитии, будьте любезны, не нарушайте режим тишины и спокойствия. А заходить к вам я не намерена, но, если будете продолжать в том же духе, я зайду, и не одна, а с Михаилом. Не думаю, что это будет приятное знакомство. Пойдём, Барри.

Выдав тираду, Изольда Иосифовна разворачивается всеми своими павлинами к лестнице, Барри устремляется за ней. На второй ступени кот оглянулся и, как мне показалось, зловредно хмыкнул.

Глава 10. Морегриня

Мне нужно разбежаться и прыгнуть прямо в самое твоё сердце. Чтобы оказаться внутри, чтобы почувствовать, как оно с шумом качает кровь... Прыгаю в метро и еду в центр.

Прочь с окраины. Вперёд, в самую гущу событий, в которых я буду главной героиней. Еду в одном из вагонов Матери Городов, которые разносят по венам жаждущих её крови.

Люди поглощены книгами, телефонами, плеерами, разговорами, и я среди них – мчусь по коридорам тоннелей, как по темным коридорам памяти.

Ленту воспоминаний прерывает название станции. Иду в общей огромной массе к свету. Течение несёт. Течение вынесет. Пока плохо плаваю в этой воде. Научусь, а пока слушаю ритм и плыву. У меня сейчас нет никакого адреса. Мне просто нужно надышаться, насмотреться и послушаться тебя, Мать Городов.

Какая ты необъятная. Какая ты широкая и высокая. Мать Городов, не задохнись бы от твоей красоты и мощи, которая врзается в сердце и норовит его разорвать.

Нет, ты не лекарство. Ты – бессонница. Как я теперь буду спать: под сверканье твоего неба, под волны твоего шумного дыхания?

Иду по ровным улицам, стремящимся далеко за линию горизонта. Рассматриваю номера домов, подпирающих облака. Пульс учащается. Ещё. Ещё ...

Люди вокруг идут настолько быстро, что это даже не назовёшь ходьбой. Они, скорее, медленно бегут, чем быстро идут.

Но не хочу сегодня никуда спешить. Я буду впитывать тебя, Мать Городов. Чувствовать тебя всей кожей, как земноводные.

Неспешно двигаюсь вперёд. Сердце замирает от каждой сверкающей витрины. Мои шаги убыстряются только на пешеходных переходах. Но, как только нога ступает на их последнюю полосу, я уже снова поглощена твоим блеском.

Машины то пролетают мимо, то стоят в густо набитых пробках.

Совершенно незнакомые люди мельтешат кто куда. Некоторые так же, как и я, не торопят время.

Вот возле окна парочка. Оба тычут в разложенную на витрине обувь и что-то живо обсуждают. Наверное, выбирают себе подарки. Сладкая парочка. Мне уже не режет глаз чужое совместное счастье. Я остываю. Или просто былую боль вытеснили новые чувства?

Мне режет глаз другая картина. Под одной из сверкающих витрин сидит пушистая дворняга с печальными глазами. Собака настолько грязная, что сложно разобрать, какого цвета она от рождения. Только круглые чёрные пятна вокруг глаз ярко выделяются в серой сбившейся массе шерсти.

Спешно ищу продуктовый магазин, чтобы покормить бедолагу. К счастью пса, сразу через здание находится дверь с окнами, увешанными бутафорским сыром и колбасой. Беру самые недорогие сардельки и возвращаюсь. Собака, не веря собственному везению, виляет хвостом, выхватывает гостинцы у меня из рук и жадно проглатывает.

– Ешь хомяк, тебе надолго хватит, – говорю ему, кладу остатки сарделек рядом и иду дальше, оставив дворнягу самостоятельно разбираться с нечаянными подарками.

За стёклами витрин, чистыми настолько, словно их ежеминутно натирает невидимый чистильщик, торжественно возвышаются манекены.

Мерцают золотые деревья. На их ветвях медленно двигаются механические длинноволосые русалки в цепях, в серьгах-люстрах и с культовыми сумками в руках.

Четверо статных пластиковых мужчин в шляпах и костюмах, взирают на меня с высоты своего двухметрового роста, и я между ними. Точнее, моё отражение. Я отражаюсь в твоих стёклах, Мать Городов, я уже часть твоего мира.

Это мой оживший «глянец». Тот «глянец», перелистывая который, я тщательно высматривала лица и вычитывала имена. Имена – гербы. Имена – гимны. Имена – бренды.

Я замороженно подносила палец к губам, чуть увлажняла и листала липкие страницы, оставляя на них отпечатки, загибая уголки там, куда потом возвращалась, читая снова и снова о балах, о презентациях, о новых коллекциях, о сплетнях и модных местах.

Каждый журнал был как модная Библия. Эти «библии» я собирала и складывала в башни возле кровати, чтобы по вечерам вытягивать одну из них наугад и погружаться, как в сладкий сон, в мир, который заманивал меня, как яркая, горящая, развратная, но самая красивая блудница.

И сейчас прямо передо мной те самые женщины, которые белозубо улыбались мне с шуршащих страниц. Это те платья, брюки и костюмы, в статьях о которых я старалась не пропустить ни слова. Названия роскошных тканей звучали для меня, как магические заклинания.

Вот стоят три манекена в статусных костюмах из тканей нежно-лимонного, густого-травяного и глубокого синего. Три разных фигуры, три разных роста и размера.

Заморожено люблюсь яркостью нарядов и реалистичностью застывших пластмассовых красавиц.

Но вдруг, что это? Прижимаюсь к стеклу и вглядываюсь пристально в лицо центрального невысокого манекена. Показалось, или она действительно моргнула?

Да нет, быть такого не может!

Замираю у стекла. Пытаюсь проверить свои галлюцинации. Всё пристальней всматриваюсь в их замершие фигуры, и тут... Манекен поворачивает голову, смотрит прямо на меня и машет рукой.

Неведомая сила отбрасывает от стекла, и я запинаясь о лохматого бродягу, который, оказывается, всё это время телепался вслед за мной. Если бы не этот мокроносый обормот, всё бы обошлось. Но я, пытаясь увернуться, глупо и больно падаю на грязный тротуар, а испугавшийся пёс стремглав исчезает со страху, оставив меня одну сидеть в луже прямо на весеннем тротуаре.

Глупая неуклюжая провинциалка!

Прохожие, как ни в чём не бывало, беспристрастно проносятся мимо. Не могу понять, что я чувствую больше сейчас: мне стыдно или мне больно?

– Так и убится можно!

Слышу женский голос и вижу, как ко мне тянется спасительная рука в тонкой белой перчатке, с крупным перстнем прямо поверх кружева. Поднимаю голову и встречаю пронзительно синие глаза взрослой женщины в маленькой серой шляпке.

– Давайте я вам помогу. Вы ушиблись?

– Да вроде всё в порядке. Спасибо!

Встаю, отряхиваюсь и пытаюсь успокоить то ли себя, то ли женщину. Спешу сказать, что все в порядке, но в тот же миг вижу свои грязные ладони, измазанную жижей сумку и понимаю, что выгляжу не столько как пострадавший человек, сколько, как пёс, грязный от носа до хвоста.

Прохожие, раньше равнодушно проскальзывавшие мимо, теперь начинают на меня странно озирается.

– Судя по всему, мне точно нужна помощь. Спасибо, я буду вам признательна!

– Пойдёмте, пойдёмте. Я вижу, что вам нужно элементарно умыться и привести в порядок одежду.

– Скажите, а далеко идти? Долго мне терпеть позор? – говорю я и опускаю глаза вниз. Сочувствующая добрая элегантная фея спешит меня упокоить.

– Да нет, это рядом! – она показывает рукой вперед.

Немного успокаиваюсь, но вижу, как мимо проходящие, уже не скрывая, смотрят в мою сторону с подозрением. Ещё бы! Нечасто, наверное, в этом мире блеска и глянца можно встретить кого-то с грязными руками, грязной сумкой и в грязном платье.

– Не обращайтесь внимания, – говорит собеседница, хитро улыбается и добавляет: – Нечасто у нас на улицах, особенно в деловом и модном центре, можно встретить девушку с грязными руками, грязной сумкой и в грязном платье.

– Да вы не только человек добрый, вы ещё и мысли читать умеете? – я улыбаюсь, питая к незнакомке искреннюю благодарность.

– Мысли я читать не умею, а вот помогать считаю обязанностью каждого хорошего порядочного человека. Да, мы забыли познакомиться. Меня зовут Регина, а вас?

– Морегриня!

– Красивое имя. Будет интересно узнать его историю. Пойдёмте, Морегриня. А хотите, расскажу по дороге про город, чтобы отвлечь? Вы, судя по всему, недавняя гостья.

Идём неспешно. За увлекательной беседой забываю о своей оплошности. Переходя от одного здания к другому, Регина открывает мне тайну или особенность происхождения каждого.

Мать Городов предстаёт в новом обличье: древнем, мистическом, мудром. Том, о существовании которого я даже не догадывалась.

Ехала в современный, кипучий, модный мегаполис, но вместо этого моя Мать Городов предлагает мне невероятный коктейль ампирических особняков и сияющих небоскрёбов, отражающих траектории везде опаздывающих пешеходов и ватные стаи никуда не торопящихся облаков.

Элегантная знакомая ловит мой восторженный взгляд и прерывается на полуслове.

– Морегриня, вы очень простодушны. Я вижу, вы думаете, что попали в сказочный город?

– Вы угадали, – отчего-то смущаясь собственного ответа, и в голове проносится странная мысль: «А разве можно думать по-другому?»

– И вы, наверное, подумали, что и я влюблена в этот город? Признаюсь честно, вовсе нет, и вы ещё узнаете почему.

Понимаю, что могу показаться наивной провинциалкой, и ухожу от этой темы.

– Регина, вы потрясающе много знаете. Наверное, работаете экскурсоводом?

– Нет, я искусствовед и работаю в музее. Знать историю и любить искусство и всё красивое – это моё призвание и предназначение. А вот мы и пришли.

Перед нами здание, от которого дух захватывает. И не оттого, что оно высокое. Нет, оно было невысоким. Я не сразу поняла, сколько у него этажей. Широкое парадное крыльцо венчают коренастые, бородастые атланты и белые колонны.

Массивное классическое здание откровенно контрастирует с ультрасовременными стекляшками, упирающимися в левый и правый бок этого архитектурного динозавра. Стекло и бетон справа. Стекло и бетон слева. И между ними – ослепительный в своей мраморности и величественности дворец из прошлого.

– Это музей? – слова вырываются сами собой, но моя спасительница вдруг, посмотрев на часы, которые украшают главный вход, меняется в лице и, скрестив руки на груди, торопливо сообщает

– Ой, мне ведь нужно было по делам совсем в другое место попасть. Только сейчас вспомнила. Извините, мне необходимо убежать. Зайдёте, спросите у охранницы, где можно помыть руки. На вахте сегодня добрая женщина. Пропустит.

Отдалившись от меня на пару шагов, она поворачивается и добавляет:

– Морегриня, вы приходите, как появится время и желание. Буду рада вам что-нибудь ещё интересное рассказать, а вы мне обещайте поведать историю вашего уникального имени. Обещаете?

Послушно киваю головой, пока моя добрая незнакомка исчезает в толпе так же внезапно, как и появилась.

Поднимаюсь по широкой мраморной лестнице. Неуверенно открываю тяжелую дверь и оказываюсь в огромном, просторном, залитом искусственным светом вестибюле со стрельчатыми витражными окнами и люстрами, свисающими с потолка, словно мерцающие водопады.

– Здравствуйте, – читаю на бирке имя «Оксана» и продолжаю: – Здравствуйте, Оксана! У меня небольшая авария. Можно воспользоваться дамской комнатой? – выбрасываю перед ней свои грязные руки и показываю на платье.

Большая Оксана с добрыми глазами понимающе смотрит.

– Обрызгали что ли? М-да, в этом городе не странно. Идите, умойтесь, вверх по лестнице и налево. Только уложите в десять минут. Через десять минут, если не выйдете, я поднимусь. У нас вообще-то не положено.

Глава 11. Морегриня

Всё-таки метро спасительное место для таких ситуаций, как моя. Никому ни до кого нет дела. Уже бреду к дому. Приключений на сегодня хватит.

Мать Городов, какая ты разная! Если в моём Городе Маленьких Домов всё было едино: и по настроению, и по цвету, и по ритму, и по архитектуре, – то ты ... Ты – город-диаграмма.

Сколько в тебе настроений!

Сверкающий, мощный, энергичный центр, где люди бегут-бегут-бегут, как реки, смотря себе под ноги, и только под ноги. И тихие старые окраины, внутри которых, как чужеродные организмы, существуют сами по себе микромиры со своими маргинальными обитателями, скупающими и жаждущими сплетен и событий.

Моя Мать Городов, какая ты необъятная. Чтобы добраться с места моих дневных приключений до нового пристанища, понадобилось сменить метро, автобус и ещё один автобус.

Два часа, и вот – знакомые тополя. Вот и улица Запущенская. Вот и дом с номером 14.

Тороплюсь к подъезду. Неплохо бы было поесть и умыться.

В свете вечерних фонарей у улицы совсем другое настроение.

Подъезд ярко освещён. Клацаю ключом в замочной скважине белой двери. Открываю. Только, пожалуйста, пусть будет свет. Щёлкаю по выключателю, и темноту рассеивает яркий луч.

Быстрый ужин, душ, и – по длинному странному коридору – в гостиную. Так много дверей в небольшой квартире я ещё не видела. Двери повсюду.

В халате, с ногами, размещаюсь на широком подоконнике и наблюдаю за вечерней жизнью двора. Всё любопытно. А вот и моя соседка. Сейчас, в полотенчатом тюрбане на голове, она больше похожа не на соседку, а на какую-то дальнюю родственницу. Она не видит меня и ныряет в подъезд.

Деревья, ветер, фонари, дворовые коты.

«Что ж, надо выспаться», – решаю я. И завтра на поиски работы.

Куда можно пойти на поиски работы? Пока не буду искать в интернете. Мне стало жутко интересна история с манекеном, и я подумала, что было бы неплохо вернуться и выяснить, что же всё-таки это было.

Укладываюсь, но что-то не даёт мне спать.

Это всё впечатления. Но еще и какие-то еле слышные, странные звуки. Прислушиваюсь, чтобы понять природу их происхождения. Они доносятся со стороны кухни. Встаю и направляюсь туда.

Включаю свет. Никого. Ничего. Окно плотно закрыто. Выглядываю за его стёкла и смутно вижу ускользающие тени... Что или кто их может отбрасывать? Теряюсь в догадках, но усталость дня наваливается с новой силой, и я возвращаюсь на разбитый, но уютный диван.

Глава 12. Морегриня

– Поняла, вы, видимо, насчёт работы, – уточняет улыбающаяся всем входящим милая девушка, с гладко зачесанными волосами и выразительным острым носиком. Он придаёт ей задорный вид даже при такой интеллигентно убранной головке.

– Насчёт работы? – похоже, что мысли здесь читают многие: я не произносила этой фразы, только очень громко подумала и придержала дальнейшие вопросы.

Работа мне сейчас совсем не мешает. Особенно, работа мечты. Хорошо, что оделась уместно. Как знала. В моём любимом итальянском плаще чувствую себя прекрасно. Год назад я в него влюбилась сразу, как только увидела на витрине. Тёмно-бежевый, приталенный, с кокеткой, клетчатый благородный подклад.

Редкая вещь для Города Маленьких Домов. Засматривалась на него давно в зачитанном мной же до дыр любимом журнале. Не пожалела половину своей месячной зарплаты. «А, ну и ладно», – подумала тогда я и громко заявила удивлённому продавцу: «Один раз живём. Заворачивайте. Беру».

У меня в жизни были десятки свиданий, среди них только одно невероятно желанное, и именно на нём я была в этом плаще. Как и теперь.

Об этой покупке ни разу не пожалела. В нём даже осанка становится какой-то иной. Выпрямляюсь, становлюсь ещё выше и уверенней. Правильно сделала, что надела его сегодня.

– У вас есть работа? – переспрашиваю, понимая, что сейчас меня уже не столько интересует история со вчерашними галлюцинациями, как история, которая вот-вот может произойти. Бог с ними, с этими манекенами. Да и честно, я даже побаивалась задать вопрос, опасаясь, что окажусь в таком же глупом положении, как вчера. Это всё женское любопытство, которое сродни любопытству кошачьих.

– Да, ещё есть вакантные места, – прерывает мои размышления остроносовая администратор с именем Лилия на нагрудном значке и продолжает: – Посидите, необходимо немного подождать Инессу Витальевну. Подождите, пожалуйста, здесь.

Сняв улыбку с лица, она направляет ладонь на красивое синее бархатное кресло, рядом с которым раскинула зелёные крылья вечнозеленая пальма и притаился миндалевидный кофейный столик из мрамора на коротких латунных ножках.

Не знаю, какие места у них вакантны, но, честное слово, я готова работать здесь хоть кем. Каждый день открывать эту высокую прозрачную дверь в мир самых красивых платьев, сумок и туфель с красной подошвой.

Я вернулась, чтобы узнать предысторию своего прецедента, но, кажется, у судьбы другие планы.

В ожидании начинаю разглядывать этот храм модного гламура. Всё сияет. И глянцевая мебель, и мраморный пол, и улыбки и причёски консультантов, даже охранники вышколены и приветливы. Блеск всего усиливают тысячи зеркал и огромные стеклянные витрины.

Даже манекены здесь особенные. И как они переодевают каждый день их в новые одежды? Это ведь, наверное, жутко неудобно. Могу ещё себе представить этот ежедневный процесс, когда они обычные пластиковые безголовые. Но эти!!! Эти же, практически, восковые скульптуры. Заинтригованная, встаю и подхожу поближе к витрине.

И снова галлюцинация... Манекен машет рукой остановившейся возле витрины эффектной блондинке, поправляющей причёску. Она улыбается, машет ему рукой в ответ и проходит мимо. И тут восковая фигура поворачивает голову ко мне и подмигивает. Да это же не манекен, не пластиковая и не восковая фигура! Это живой человек!

Точно! Вы слышали когда-нибудь о живых манекенах? Я о них только читала, и вот они – передо мной. Как я сразу не догадалась?

Дверной колокольчик звенит заливисто и призывно. У них даже колокольчик звучит как музыка.

Моё внимание привлекает зашедшая рыжеволосая женщина на высоких каблуках, в лёгком плаще цвета «марсала», наброшенном на плечи. Из-под него надменно выглядывает кожаная юбка бежевого цвета. Немного растрёпанная рыжеволосая дива спешно подходит к девушкам на кассе. Они что-то обсуждают и поворачиваются в мою сторону. Наблюдаю, как в замедленной съёмке: обладательница шикарного плаща с интересом измеряет меня взглядом от макушки до пяток и направляется в мою сторону.

Встречала её лицо в светских хрониках и смутно уже догадываюсь, что это и есть та дама, ожидать которую меня направили в «гостевое» синее кресло.

– Добрый день. Вы по вакансии? Пройдёте со мной в кабинет.

Не дожидаясь ответа, марсальный плащ поворачивается на 180 градусов и уходит быстрым шагом. Не медля, отправляюсь следом.

Идём сквозь большой зал. По короткому коридору подходим к двери с табличкой «Инеcса Витальевна Беронова. Управляющая».

Инеcса Витальевна Беронова. Ну конечно! Светская львица и модная гостья самых ярких событий.

Хорошая память на лица – мой конёк. Могу не вспомнить обстоятельства, но лицо всегда. Вот и теперь память услужливо опознала эту всегда слегка надменную и чопорную, мелькающую во всех глянцах, персону.

Модная штучка с шумом опускает дверную ручку, заходит первой, резким движением показывает стул возле широкого стола, обходит его, бросив бежевую сумку из кожи ягнёнка на тумбу, и усаживается в прошитое кресло из светло-коричневой кожи.

– Начнём собеседование. Только подождите буквально пять минут?

Управляющая говорит и при этом совершает сразу множество действий. Понимая, что вопрос риторический, молчу и терпеливо слежу за быстротой и слаженностью её движений. Она ищет что-то на столе, нервно выискивая что-то между аккуратно сложенных гляцевых изданий. Суету прерывает звонок.

Несколько минут дама, молча, выслушивает голос на другом конце и, в конце концов, сухо ставит точку.

– Ясно. Сейчас выйду и обсудим.

Остаюсь наедине с огромным кабинетом и его роскошными «обитателями». Здесь пахнет кофе, шоколадом и дорогим парфюмом. На полках мебельного стеллажа собраны папки, документы и толстые подшивки раритетных модных изданий.

«Это девочка, большой город», – вдруг всплывают у меня в голове слова таксиста. Он прав. Тысячу раз прав. Здесь ротозейничать нельзя. Здесь Марина пропадёт. Но Морегриня здесь выиграет все партии. Поэтому я представляюсь ей – Морегриной.

– Ну что ж, начнём!

На меня направлен пристальный взор эффектной женщины лет сорока. Ухоженная, надменная, с немного всклокоченной причёской.

Строгая управляющая пытается прочитать меня, как те журналы, которые стопкой лежат под её рукой.

– Я Инеcса Витальевна, – представляется она: – Обычно у нас собеседование проводит кадровый менеджер или мой помощник, но так случилось, что менеджер в вынужденной командировке, а помощник уволен. Поэтому ваши данные приму пока я. Уж не знаю, к вашему счастью или к вашему сожалению.

Звучат сухие вопросы. Инеcса Витальевна заносит мои ответы, мягко клацая аккуратными ногтями по клавиатуре серебристого ноутбука с надкушенным «яблоком» на крышке.

В какой-то момент кланье прерывается, и строгая дама откидывается на высокую спинку, внимательно всматриваясь в моё лицо.

– Плохо очень, что не принесли резюме. Но вы меня заинтересовали. Такая интересная внешность! Вас зовут Морегриня? Что ж, и имя эффектное! Значит, документы вы не взяли? Завтра принесите и документы, и паспорт, и, в идеале, резюме. Какой трудовой стаж и опыт работы?

– Очень печальный стаж и очень печальный опыт работы, – пытаюсь пошутить, но встречаюсь с каменно неподвижным лицом Инессы Витальевны.

– Хорошо, что у вас есть чувство юмора, но в нашей компании нет вакансий, где бы требовалось безупречное чувство юмора. А вот ответственность, стрессоустойчивость, знание английского языка, высшее образование, чувство красоты и стиля, чувство такта и дипломатичность – без них у нас нечего делать, – подытоживает она.

– Да, конечно. Английский разговорный. Образование высшее. Последние 5 лет проработала секретарём. Поэтому как раз все эти качества, которые вы только что перечислили, мои годами выработанные навыки. У меня был директор с очень сложным характером. Причём от этого характера страдал не только весь коллектив, но и клиенты и поставщики. Все негативные ситуации решала я.

– Ну что ж, отлично! Расскажите, по каким критериям вы ищете работу?

Чувствую, как пурпурная краска заливает мое лицо. Волнуюсь до самых кончиков волос, но мне не приходится задумываться. Руки и голос дрожат, а ответы в то же время сами выпадают на модный лакированный стол из экзотического дерева – как карты. Козыри ли? Надеюсь. Я словно давно-давно готовилась к этому собеседованию и к этому месту.

– Знаете, у меня критерий один. Я очень много знаю о моде. Поверьте, очень много. Ваше лицо мне тоже знакомо: не раз читала о вас и ваших выходах в журнальных колонках, – пытаюсь сразу выдать весомый аргумент в пользу своей компетентности. А вдруг стратегия сработает? Брови дамы немного приподнимаются, и я принимаю это за добрый знак: нужно усилить впечатление.

– Да, у меня нет профильного образования. В моём городе не всегда можно было найти номера свежего глянца. Выписывала их и зачитывала до дыр, не пропуская ни одного номера журналов, ни одной программы. Поверьте, я всё знаю о качестве, о тканях, о дизайнерах и о последних трендах. Всегда мечтала работать в лучшем модном месте. Вы и есть моя работа мечты!

Выпала на одном дыхании и замешкалась на секунду, не больше. Прозвучало, пожалуй, чуть пафосно. В этот момент дама с недоверчивой миной подалась вперёд и облокотилась на стол. Внутри меня каждая клеточка сжалась как пружина. Это боязливая Марина вдруг дала о себе знать.

«Страх – это вор! Не позволяй ему залезать в твой карман и воровать мечты!» Эта мысль как молния разбила сгущающееся пространство, и моя Морегриня, расправив плечи, ровным голосом продолжила.

– Да, не буду отрицать, мне важно, чтобы место, в котором я буду работать, вызывало внутри чувство гордости. Да, мне важна зарплата, потому что у Морегрины (да-да, от волнения, я даже заговорила о себе в третьем лице) большие планы. И мне очень интересно работать у вас. При этом я понимаю, что вы вряд ли дадите мне серьёзную работу сразу. Но, прошу, проверьте меня.

На забетонированном лице Инессы Витальевны вдруг появляется эмоция. И это эмоция одобрения. Она задумывается, но через секунду, как будто что-то вспомнив, произносит.

– А почему вы не отправили резюме? Ах да, у вас же нет резюме... – она явно смягчается, откидывается, вновь расслабившись, на кресле и пристально на меня смотрит: – Однако у вас всё в порядке с самоконтролем, – размышляет она вслух, – вы умны, грамотно коммуни-

цируете, и, повторюсь, у вас очень эффектная внешность и рост. Какой у вас, кстати, точный рост и размер?

Немного смущаюсь от такого внезапного комплимента.

– Рост 180 см. Размер одежды 44.

– А знаете, – слышу, как она произносит протяжно и немного задумчиво, а затем, словно, что-то взвешивая, продолжает: – Покажите-ка ваши руки! Да нет, не ладони! Ваши ногти. Так-так-так, – вслух размышляет она: – А волосы? Вы красите волосы или это ваши?

– Нет, это мои, натуральные, никогда не красила, – недоумеваю я, но отвечаю уверенно.

– Так, так, так! Встаньте и отойдите к двери.

«Ничему не удивляйся, Морегриня и держи курс на мечту», – говорю я себе внутри. Сейчас думаю только об этом. Делаю вид, что меня нисколько не удивляет просьба, послушно встаю и делаю несколько шагов назад. Инесса Витальевна берёт телефон и с каким-то явным облегчением быстро говорит в трубку:

– Она ушла? Отлично! Мы, кажется, решили вопрос!

Ничего не объясняя, кладёт руки на стол и смягчившимся голосом произносит то, что я так хочу услышать:

– Знаете, я могу вам предложить работу прямо завтра. Только сегодня же сделаете маникюр и педикюр. Это обязательное условие. Вы говорите, что вам без разницы, кем работать, но, согласитесь, что вам нужно узнать нашу компанию и нашу философию изнутри. Ведь мы не продаём одежду – мы продаём философию. Можете выйти на работу завтра?

Другого ответа быть не может и, еле сдерживая себя, чтобы не закричать от радости, я говорю своё твёрдое: – Я согласна!

– Отлично. Пойдёмте за мной в зал, там я вам всё расскажу.

Часть 2. Потерять

Глава 13. Слава

«Наш Боинг начинает снижение. Просим пристегнуть ремни безопасности».

Монотонный голос бортпроводника, звучащий из динамика прямо над головой, обрывает мой сон. Нехотя прощаюсь с Дедом, который снова был главным его героем.

Открываю глаза, убираю шумоподавляющие наушники, вдыхаю тугой запах кожаных кресел бизнес-класса, поднимаю шторку иллюминатора, убираю планшет с задачами на день и накидываю на себя авиаремень.

Люблю самолеты, они давно стали частью моей жизни. С первых полётов я их принял, как уютное место, где тебе ничего не остаётся, как только погрузиться в мягкий рокот самолетного сердца, да еще слушать свое – собственное.

Здесь та тишина, в которой я особенно продуктивно работаю, особенно глубоко сплю или осознанно и планомерно разбираю рабочие планы и бизнес-задачи. Здесь нет шанса у телефонов и планшетов. Они молчат. Здесь не сбивают с мысли звонки и суетливые разговоры.

Слежу в круглое отверстие иллюминатора, как на меня надвигается гигантский человеческий улей, раскинувшийся далеко за горизонт. Улей-«океан деловых возможностей» и улей-«кладбище нежных надежд».

Город-пасть, Город-набитое брюхо, Город-офис. Город-чудовище, чьё тело распласталось на километры, чтобы подмигивать и завлекать с земли небесных путешественников миллиардами своих хитрых глаз-фонарей.

За что он так любит меня? Не знаю. Это не взаимно. Я не чувствую к нему ничего, кроме сдержанной благодарности за путь, которым иду сейчас.

Много лет назад, перед тем как навсегда уехать из старого дома, я навестил тетку. После смерти родителей, когда Дед взял надо мной опеку, её было невозможно заманить в гости даже на великие праздники. Но, как только я начал зарабатывать, тетка и её семья переменились в своём отношении ко мне и сразу вспомнили о нашем родстве. Я соглашался на их общество только ради деда.

Хотя он никогда не был в восторге от их, к счастью, редких визитов. В такие дни дед был напускно капризен, ворчлив и несносен. Не давал вставлять ни одного слова своим, как он их называл «горе-внучкам» и младшей дочери. Дед резвился от души и выливал на их головы добрую порцию своего сарказма. Я сразу раскусил эти стариковские выходки. А когда тётка пыталась возмутиться, Дед «включал» великовозрастную деменцию и делал невинное лицо.

Он говорил много, но всегда в точку и всегда что-то справедливое, полезное или глубокое.

Мои дела шли в гору, и, вместе с ними, визиты родственников становились всё чаще. Они стали захаживать то с просьбами помочь расширить их жилплощадь, то с требованием открыть им бизнес, то с откровенными претензиями, что, мол, не стыдно ли мне, крохобору, богатеть, видя, как они прозябают...

Дед говорил в таких случаях: «Славка, запомни! Никогда не давай рыбу. Если хочешь помочь человеку – давай удочку», – и постоянно со вздохом добавлял: «...А эти-то, эти еще проявят свое нутро...»

Так и вышло.

Пока я занимался похоронами, единственные близкие люди, без моего ведома, утащили в своё логово документы и всё, что осталось от деда.

Перед отъездом попросил тетку вернуть мне хотя бы ненужные им, но самые ценные для меня дедовские вещи: дневники, несколько его картин, планы дома и сада. Дородная тётка, растекшись в самой лицемерной улыбке, тут же предложила подписать договор дарения завещанного мне имущества в обмен на «очень ценную память об отце и деде».

Помню, как она суетливо вытерла руки о грязный фартук, открыла ящик ближайшего к ней стола и достала уже заботливо распечатанные и заверенные документы. Оставалось только расписаться.

Как же остро я почувствовал мощь надвигающейся свободы и так же пронзительно-явно увидел алчность единственных родных мне по крови людей. Эти ощущения пронеслись как холод по позвоночнику, я даже вздрогнул.

– Ты чего, племянничек? Не хочешь подписывать? – лживая натянутая улыбка застыла на лице тетки: – Ну так зря, зря! Мы своего все равно добьёмся: и в суд можем сходить, и завещание обжаловать, мы-то по родству первые идём. А папа, – она накрыла мясистым пальцем имя деда в документе, – он ведь всегда очень странным был, очень странным, – она сделала ударение на этом слове и покрутила пальцем у виска: – Да, это любой в нашем городке подтвердит, под старость-то он так и совсем уже ослабел умом.

С этими последними словами, тётка многозначительно поднимает свой когтистый палец, словно пытаясь мне пригрозить.

Это дед-то – слабоумный!? Да как они могут так говорить! Меня передёргивает, как от удара током.

– Славочка, может водички? – тетка напрягается и начинает егозить: – Ты подпиши, вот сразу планы заберёшь, раз они тебе так нужны, а эти дневники его никому не интересны. Они где-то в коробках зарыты. Славочка, да не смотри ты так! – она немного краснеет от моего пристального уничтожающего взгляда: – Мы что, не люди что ли? Всё в коробки аккуратно сложили. Найдём мы твои ценные тетрадки. Придешь, отдадим.

– Не смейте о Дede так говорить, – взрываюсь и почти кричу ей в лицо. Ставлю подпись и – с ней – точку в этом отвратительном диалоге.

– Планы дома и сада отдавайте сейчас, а за его дневником и вещами заеду позже. Позвоните мне сразу, как найдёте.

Ушёл быстро, не сказав родственникам больше ни одного слова. Так же быстро покинул город. Звонка не дождался, а увидеть их и услышать снова мне не хватило духа. Планы теперь со мной, но вот заехать и забрать остальное не смог.

Шасси самолета касаются взлётной полосы. Достаяю из кармана телефон и меняю авиарежим на обычный. Сеть появляется быстрее, чем мне хотелось бы, экран тут же начинает мигать, выплевывая на меня набравшиеся за время полета сообщения.

Пролистываю сверху вниз: здесь и письма от поставщиков, и вопросы клиентов, с которыми назначена встреча на завтра, и работники с вопросами о проекте, и собственник торгового центра с уточнением об оплате офиса и, конечно, Игорь, мой закадычный друг и бизнес-партнёр.

Пробежав глазами по текстам, решаю, что всем отпишусь и отзвонюсь чуть позже, только Игорю надо ответить сразу.

Не люблю голосовые сообщения. Согласитесь, не самый удобный формат делового общения, но Игорь упорно общается через них. Иногда он записывает их на конференции, на свидании, находясь в клубе или на рабочем объекте. Шум рабочих, крики разгорячённых «наяд», грохот оборудования, звон бокалов и бутылок... чего только не услышишь на заднем плане во время прослушивания.

«Славян – писать это долго. А наговорить – это быстро. А быстро – это время. А время – это деньги. Точка!»

Диджитал-этикет неизвестен моему компаньону, но он считает это своим конкурентным преимуществом. Да, такой вид общения один из его многочисленных недостатков, но с этим недостатком я мирюсь.

Вздыхнув, нажимаю нужную кнопку и прижимаю телефон к уху: «Славян, я уже весь кофе выпил, где ты там? Стою на платной парковке... Поторопись, денежка капает!» – он зазывающе присвистывает и продолжает: «Ты не представляешь, сколько сегодня планов! Короче, я забил нам мягкую зону в «Ангелах и демонах». Там такая горячая тема сегодня! Судя по всему, там будет рой скучающих принцесс», – дальше слышится шум кофе-машины, шуршание, женские голоса и голос Игоря:

«О-о-о-о, какие принцессы! А вы прилетаете или улетаете? Позвольте представиться – принц на белом коне. Замечу – щедрый принц! Что будут принцессы? Капучино, латте, танцевать?» – не обрывая голосовое, Игорь не умолкает ни на секунду, заигрывая с девушками.

Выходя из самолета, слышу в трубке сдержанное хихиканье и обрывки фраз. Девушки смущаются, и Игоря уже не остановить: «... А я друга встречаю, он у меня южный принц, совсем не местный, может, покажете нам достопримечательности, или мы вам их покажем, по ситуации? Да?.. Согласны?..»

Смеясь, выключаю сообщение, не дослушав даже до половины, и захожу в здание аэропорта.

Мой благополучный и любвеобильный друг родился и вырос здесь, истинный сын Матери Городов. Он всегда расслаблен, вальяжен, но в нужные моменты может собраться и решить любой форс-мажор. Одним словом, пройдоха и везунчик. Он всеяден, любопытен, и, как и все, кто родился в большом городе, безалаберен, но сообразителен.

Глаза сразу находят Игоря. Он стоит спиной ко мне, в светлом бархатном пиджаке, модных джинсах и с кожаным кейсом в руках. В компании двух длинноногих дам.

Останавливаюсь в раздумье: а стоит ли вообще к ним подходить?

В мыслях «галочками» всплывают планы на завтрашний день: ранний подъем, встреча, бизнес-ланч с клиентом, выезд на объект, снова встреча...

Но тут Игорь оборачивается, словно почувствовав мой взгляд.

– Наконец-то! – всплеснув руками, он, не церемонясь, вскрикивает на весь аэропорт: – А мы с принцессами тебя уже заждались! Идёмте скорее, карета у дворца!

Глава 14. Морегриня

Первый день наполнен торжеством одеваний в то, что раньше грезилось только в самых глянцевого цветных снах.

Всё похоже на свежееиспечённые облака. Воздушные одеяния пронзительного белого и серебристого цветов.

Чувствую себя звездой в межоблачном пространстве. Вокруг колдуют сразу две феи в тонких перчатках. На мои робкие «давайте я сама» сказано тоном, не терпящим никаких возражений: – Это та коллекция, которую можно трогать только в перчатках. Стойте, вы сами не справитесь!

И я стою, накрываемая слой за слоем самыми нежными хрустящими и элегантными одедами. Нет, я не девушка-звезда. Я девушка-«гламурная капуста».

– А можно не надевать на меня сразу столько всего?

– А можно вы будете молча выполнять свою работу? – резко отвечает мне старший администратор, но тут же добавляет, пытаясь скорректировать грубость: – У вас интересная внешность, на вас можно показать сложные, многослойные луки.

Молчу. Молчу. В «луки» – так в «луки».

Потерплю. Это временно, а уж если покажу себя хорошо, то и работу предложат серьёзную.

Вспомнила нравоучительный тон Инессы Витальевны:

«Ну что ж, раз вы внутренне готовы к любой работе, приступите прямо завтра. В вас есть все задатки: внешность, такт, ум, образование, манеры... Но пока у вас нет главного – понимания стиля, маневренности в знании брендов, нет насмотренности.

Для вас будет проверка и стажировка. Это идеальная возможность для вас почувствовать нашу философию, пропитаться высоким люксом, нам же это даст возможность оценить ваши таланты, которые могут послужить процветанию компании».

Вот так, сухо и по факту. Но это большой город и это тяжелый «люкс». Тяжёлый. Но Морегриня не надорвётся.

Оплата, как сказали мне, достойная. Да и потом, я же об этом и мечтала. Быть в самом красивом месте в самой красивой одежде в самом дорогом для меня городе.

Две феи-одевальщицы наконец-то отходят. В зеркале незнакомая девушка с огненно-рыжими волосами, забранными в высокий гладкий хвост, и с ободком, сплошь состоящим из переливающихся камней, жемчуга и цветов.

Красивая и завораживающая, как будто изнутри светят самые мощные софиты.

Стою в белоснежной воздушной блузе из плотного кружева с рукавами-буфами, под ней шёлковый топ с тонкими лямками, поверх неё серебристый сарафан-корсет.

На руках кружевные митенки. На шее мерцает нитка перламутрового жемчуга. На руке висит сумка-зависть. Сумка-мечта.

Я облизнула пересохшие от волнения губы.

Незнакомая и невероятная. Не могу оторвать взгляд от её больших серых глаз, которые сверкают, как те камни, которые украшают голову, а какое красивое лицо с высокими скулами!

Работа мечты!

А ведь я так любила бродить по магазинам и примерять всевозможные наряды. Но чтобы вот так, надеть всё лучшее сразу, причём в хорошем смысле этого выражения?

Мечты, а вы ведь сбываетесь.

Одевание в живого манекена длится не меньше, чем стояние живого манекена. Эти два с половиной часа кажутся мне вечностью.

Как новичку в этой работе, мне разрешают почаще, чем остальным, менять позы и просто стоять первый день всего-то два с половиной часа с небольшими перерывами.

И вот они – последние тридцать минут моего великого стояния.

Если бы кто-то сказал ещё месяц назад, что я устану от шелка, жемчуга, туфель и сумок – символизирующих самый высокий стиль, то этот кто-то услышал бы моё уничтожающее «вы в своём уме?».

Пробую изменить позу на сидячую. Две мои партнерши по витрине принимают это без энтузиазма (им-то пришлось встать во весь рост), но соглашаются.

Сидеть удобнее. Даже можно разглядывать асфальт и торопящиеся ноги счастливых жителей Матери Городов. Ноги, каблук, ботинки, ноги. А вот чей-то мокрый хвост!

– А ты откуда здесь взялся, Пёсель?

Аккуратно, не двигая головой, смотрю по сторонам и еле слышно произношу ему через стекло, как будто он может услышать:

– Как ты меня нашёл, дворняга?

Дворняга виляет хвостом и пытается дотянуться до стекла своим мокрым грязным носом.

– Малыш, ну что ж, жди. Сегодня будет тебе пир. Посиди тихо, я скоро выйду.

И Пёсель, услышав меня, перестаёт прыгать, послушно прислоняется к мраморному фасаду и ждёт.

Глава 15. Слава

Не открывая глаз, шарю тяжелой рукой в поисках орущего телефона. Он издаёт какие-то новые барабанные дробы и дикие вопли.

Странно, но у меня на будильнике стоит мягкая мелодия – соната Моцарта. Почему сегодня сонату Моцарта играют на барабанах?

Нарастающие звуки пробираются под кожу головы, тормозят и раздражают. Этот яростный бубен, иначе не назовёшь, напрочь срывает занавес сновидений и швыряет в лицо мысли, заготовленные на сегодня еще со вчерашнего утра.

Пальцы пытаются найти телефон, но никак не могут его обнаружить. Спустя мгновение понимаю, что музыка совсем незнакомая, а значит... Окончательно прихожу в себя и подпрыгиваю на кровати.

Нет, это не кровать! Обнаруживаю себя на неразложенном диване.

Осматриваюсь.

Просторный лофт. Внутри него высокие потолки с трубами, нарочито грубо обёрнутыми серебряной фольгой; огромные зеркала в искусственно-ржавом металле; незнакомая грубая мебель из состаренного массива; металлические чёрные колонны подпирают серый, изрытый бетонными трещинами потолок. Огромные обнажённые женщины с хищными ртами, блудливые фурии, смотрят на меня с матовых стен, подмигивают и язвительно шепчут:

«Дружочек, а ты открой шторы, ты уже всё проспал, сладкий дружочек!»

Посреди комнаты на пухлом массажном кресле, развалившись, спит Игорь. Телефон лежит на широком подлокотнике, дребезжит и мигает так же ехидно, как и многочисленные женщины на постерах.

Солнце играет на всех глянцевых поверхностях огромной модной холостяцкой берлоги.

– Солнце... Твою ж мать! – вскрикиваю, подскочив на ноги, и ору: – Игорь!

Переорав его будильник, подлетаю, смотрю время и нахожу подтверждение своему опасению.

– Э-э-э... Ты что творишь? – протягивает он сквозь сон, в ответ на мои вопли о том, что «всё летит к едрене фене».

В недрах дивана нахожу свой телефон: он разряжен в ноль и смотрит на меня безжизненным экраном.

– Сколько времени? Ты видел, сколько времени?! – я готов порвать в хлам этого развалившегося ловеласа.

Игорь резко садится, хватая свой орущий гаджет, смотрит на экран и выкатывает ошалевшие глаза:

– Восемь... Славян, мы что? Мы проспали?! Это провал! – Игорь смотрит на меня, словно я сейчас достану из помятых джинсов машину времени и телепортирую нас в офис: – Это провал, – повторяет он: – Что делать??? Встреча через час!

Хватаюсь за голову и тру виски до отвесляющей боли.

– Ну что за человек! На кону такой проект, такие сложные клиенты! Я твердил тебе вчера: сворачиваемся! Нет же: «я ещё не всех девочек потискал», «я ещё не весь виски в баре вылакал»! – танком с бронезащитой прохожусь по своему компаньону и не сдерживаюсь в выражениях: – Натискался? Нажрался? Теперь всё может улететь к едрене фене. Нам доверили целый комплекс, я попросил просто завести будильник!

Припоминаю ему всё: и излишние возлияния, и излишнюю любвеобильность и словоохотливость. Все. Распахиваю шторы.

– Черт! Игорь, мы где вообще?!

Заискивающим тоном заслуженно обиженного ребёнка Игорь пытается реабилитироваться.

– Ага, значит, про девочек и виски он помнит, а куда его, расклеившегося, друг привёз, не помнит. Слав, ты чего? Это моя квартира!

Хватаюсь за голову, судя по его вечным опозданиям и оправданиям, эта квартира от нашего офиса в часе езды, да и то, если повезёт и мониторы навигаторов не скалятся сплошь пульсирующими линиями пробок.

– Быстро звони Фае, пусть займёт клиентов в офисе. Пусть кофе не жалеет, предлагает почитать договора, покажет им нашу презентацию, даст полистать портфолио, устроит им экскурсию по всему офису... да, ёлки, Игорь, придумай что-нибудь! Главное, не отпустить их, – спускаю на друга всех полканов, хотя обычно себе этого не позволяю.

– Слав, да не ори ты уже! Как будто я за это сделку не бился, – вчера ещё такой бархатный павлин, Игорь сейчас мечется по своей квартире с видом той же птицы, но с уже хорошо пощипанным хвостом.

– Не ори, говорю! Что сделано, то сделано. Всё исправим! Фая всё разрулит. Она же лучший секретарь. Она же суперсекретарь!

Одной рукой он звонит в офис, другой поднимает с пола мой пиджак и футболку: – Одевайся пулей, – вещи метко летят прямо в меня.

Выдохнув, набрасываю футболку и несвежий пиджак, вижу мятое отражение в зеркале и нервно сбрасываю его с себя.

Вот именно за это я и согласился на деловое предложение Игоря много лет тому назад. В нём есть то, чего мне всегда не хватало – талант мгновенно находить выход из самого сложного положения. Этот коренастый, всегда модно стриженный блондин невысокого роста никогда не раскисает. Как и сейчас.

В его голове мгновенно рождается план по спасению нашего тонущего корабля. Залпом выдав Фае задание, он с ловкостью продавца в магазине одежды, вытаскивает из закровов гигантского зеркального шкафа две вешалки с костюмами.

– Чтоб ты делал без меня? – говорит он, приложив ко мне одну из вешалок.

– Без тебя я бы уже был на встрече и подписал ещё один выгодный для компании контракт, – отвечаю я зло и вырываю из его рук шерстяной пиджак глубокого графитового оттенка.

Игорь не сопротивляется. Для себя он, конечно же, уже выбрал свой любимый гламурный бархатный вариант.

– А проще варианта для деловой встречи у тебя, конечно, нет? – кидаю я ему, оценивая очередную бархатную тряпку.

Забыл отметить, что этот Дон-Жуан любит не только женщин и виски, ещё две его страсти – это дорогие тачки и бархатные пиджаки. Я часто подтруниваю над ним: «Если бы понты светились, то Игорь не включал бы в своей квартире свет никогда».

Не обращая никакого внимания на мои испепеляющие взгляды, он отрывает с бархатного пиджака бирку зубами. Черный квадрат с узнаваемым лого из двух золотых букв отлетает в сторону и падает прямо мне под ноги.

– В «попроще» я как придурок, – он надевает часы, засовывает в карман портмоне и ключи от новенького авто: – Это ты у нас, Славочка, дамский любимчик, даже в застиранном ширпотребе будешь выглядеть – огонь.

– Закрыли тему! – прерываю тираду друга: – Игорь, по коням и погнали.

Вечно здесь так – гонишь, не высыпaeшьcя, снова гонишь.

Каждый раз одно и то же – замкнутый круг. И ты на предельной скорости. Поглощающая тебя яростная воронка не принимает никаких сопротивлений. Она засасывает в свою сердцевину. Вырваться из нее можно только схватившись обеими руками за меняющих ход жизни бумажных птиц – билеты на поезд или самолёт.

Я прилетел – значит, буду здесь и телом и мыслями, прямо в гуще событий, в моменте, в этой самой минуте, в своём успешном деле!

Ну что, Город-пасть, снова здравствуй!

Глава 16. Морегриня

Всю ночь шёл дождь. Долго не могу уснуть. Не знаю, что этому причина. Или шум дождя или неизвестного происхождения странные звуки на кухне, похожие на разговоры шёпотом. Они снова вернулись.

Периодически встаю, прохожу на кухню, включаю свет, прислушиваюсь, но нет, это не соседи и не люди за окном.

Едва уловимые голоса, как будто живут внутри комнаты. Словно какие-то невидимые призраки издали разговаривают, спорят и иногда смеются. Может, это всё-таки какие-то соседи сверху? Мне немного жутковато, но я решаю списать все на расшатавшиеся от переезда нервы.

Спустя час дождь расходится не на шутку и перекрывает грохотом о подоконник все другие звуки. Это успокаивает.

Ранний подъём, но день не задаётся с рассвета.

Совершенно непроснувшаяся, спешно умываюсь и быстро запрыгиваю в одежду. Варю кофе. Несу допивать его и, споткнувшись, роняю кружку. Кофе проливается прямо на плащ. Выскакиваю из подъезда и цепляюсь каблуком за высокий порог.

Вдобавок ко всему, чёрный вредный соседский Барри как будто ждёт меня и перебегает дорогу перед самым носом.

Не буду возвращаться. Чушь какая!

Вот и высокая парадная дверь, над которой высокомерно возвышается «Premier boutique. WOW VIP».

Всего-то на пять минут опоздала. Спешно заскакиваю в бутик и сразу запинаясь о недовольный взгляд Инесса Витальевны.

– Морегриня, наши сотрудники приходят на работу за час до начала работы, а не на пять минут позже. Учтите, это первый и последний раз! – летит в меня ледяной тон.

– Извините, далеко живу, не рассчитала, – мямлю оправдывающимся робким голосом.

– Я не спрашивала вас, на каком расстоянии от места работы вы живёте. Научитесь не посвящать всех в подробности вашей жизни. Когда закрывается эта дверь изнутри, мы все говорим о стиле, о моде, о том, в каких цветах выполнены последние коллекции всех подиумов, о клиентах и об их требованиях и желаниях, о высоких чеках. Вы слышали среди пересчитанного тему «Кто и где живёт»?

– Нет! – чеканю я.

– Вот и хорошо, что вы отлично слышите. Хотя нет, и на эти темы мы говорим, если это касается места проведения показов или места жительства топовых дизайнеров. Кстати, в их

гениальнейшие свежие творения вчера вы и были одеты. Хочу заметить: да, мне понравилось, как вы отработали. Но всё перечеркнуло ваше сегодняшнее опоздание.

Выдав мне полный разнос, Инесса Витальевна отворачивается и направляется к входной двери. Протягивая руку к металлической наполированной ручке, она резко оборачивается к девушкам, мгновенно надевшим улыбки, и громко произносит:

– Наряжайте кукол побыстрее. Мы сегодня и так задержались.

Она права, думаю, уже стоя на своем рабочем месте и глядя в одну точку. А ведь мы все, как куклы, стоим на витрине жизни.

Вот и ты, лохматый. Опять пришёл. Снизу на меня, высунув язык, влюбленно смотрит бродяга.

Мне так хочется выйти и погладить это одинокое создание. Мы разговариваем только взглядами:

– Пёсель, ты голодный?

– Да, очень, хозяйка!

– Можешь подождать, пока я выйду?

– Я готов ждать тебя вечно, добрая приносительница сарделек, ты теперь моя хозяйка.

– Вечно не надо, а вот ещё два часа – да.

– Два часа. О, я готов ждать вечность! А сардельки будут, хозяйка?

– Вас собак не разберёшь. Ну, вечность, так вечность. Жди!

– А сардельки будут?

– Будут тебе сардельки, только не прыгай на стекло, балбес. Тебя сейчас прогонят.

Обезумевший от предвкушения обнимашек и сарделек, бездомный пёс прыгает на витрину и оставляет на ней следы от мокрых лап. Конечно, охранник не может этого не заметить.

– Стой, прекрати, хватит, – тихо пшикаю я: – Тебя сейчас прогонят!

Я уже вижу, как над Пёселем нависает наш сторож-громила.

Немое кино, которое разворачивается по ту сторону витрины на моих глазах, становится невыносимо гадким.

Охранник пытается прогнать собаку. Всё тщетно. Голодному псу обещали сардельки, и он не планирует даже сдвинуться с места. Спустя пять минут, начинаю различать бранные слова сквозь витринное стекло, и вот настает момент, когда упитанный мужчина пускает в ход палку.

Мои лицо и руки становятся горячими от подступившего жара. Щемящее чувство жалости. Марина внутри меня уже готова выскочить из бутика и прекратить этот ужас. Разбить витрину. Сорваться на помощь к хвостатому бедолаге!

Но Морегриня и что-то ещё внутри останавливают и укладывают все порывы на лопатки. Морегриня верна убеждениям и амбициям, она не позволит мимолётным событиям изменить ход своей судьбы.

Она помнит про ту, пока ещё робкую и едва заметную дорогу, в новое будущее, о которой сказала незнакомая книга:

«...Держи листья и цветы мечты по ветру. Лови эфиры шансов. Дерзай. И мечта вынесет тебя на орбиту, где смелые восторженные и упрямые кормят с ладони звёзды. Держись своей мечты!»

Закрываю глаза. Не могу сдвинуться с места, но и видеть этого не могу. На кону стоит мечта. Прости, Пёсель.

Но Пёсель отчаянно лает, охранник все более рьяно кричит и... Хлопки... Эти страшные хлопки. Я понимаю, что бедолагу прогоняют дубинкой, и, чувствуя на щеках горячие слезы, внутренне прошу, чтобы пёс убежал.

Тишина! Открываю глаза.

Громила-страж замер, а над побитым псом склоняется брюнет в джинсах и сером пиджаке. Незнакомый мужчина бережно берет пса на руки и несет в наспех припаркованную сияющую иномарку.

Сосредотачиваю всё своё внимание на этой сцене. Что же дальше? Сердце вот-вот вырвется из груди, и я побегу вслед за ними.

Незнакомец словно слышит, как я трогаю рукой стекло и тихо произношу: «Пёсель, пусть тебе повезёт». Он резко поворачивается, делает несколько шагов назад, что-то требуя от охранника.

Звон дверного колокольчика оглашает, что пристыженный блюститель порядка вернулся. С опущенными плечами и поникшим взглядом, он занимает своё место внутри бутика. Я же не отрываю глаз от мужчины с собакой:

«Ты точно добрый человек, иначе быть не может», – тепло я надежду. Но там, где есть ангелы, всегда появляются и демоны.

Из-за руля выскакивает другой, коренастый пижон в черном пиджаке. Размашисто жестикулируя, он что-то торопливо говорит первому и перегораживает ему путь к задней двери авто.

На моё счастье, высокий брюнет непреклонен. Он настойчиво отодвигает собеседника плечом, аккуратно погружая побитого пса на заднее сиденье машины. Ногой закрывает дверь и бросает в лицо своему попутчику что-то резкое. Блондин в бархате хватается за голову, показывает на часы, корчится и ещё активней жестикулирует.

Вся сцена так красноречива, что я почти слышу, что они говорят.

Ещё пара минут, оба незнакомца садятся в машину и, сорвавшись с места, увозят хвостатого бродягу в неведомые мне дали Матери Городов.

«Прощай, Пёсель. Пусть у тебя будет счастливая судьба. Надеюсь, ты в отличие от меня, не станешь заложником золотой клетки. Уверена, не станешь! Ведь тебя спас добрый человек – другой так бы не поступил!»

Глава 17. Слава

Игорь ведет машину агрессивно. Он лихач по жизни.

Уже пару раз превысил скорость и чуть не сбил голубей, объезжая пробки через дворы.

– Рули аккуратней, – отвечая на рабочие письма с телефона, краем глаза слежу за дорогой, и, когда из-под колес пульей выпрыскивается фонтаном серая голубиная стая, бросаю на друга строгий взгляд.

– Ой, Славян, некогда аккуратничать. Уже опаздываем по полной, – Игорь раздраженно цокает: – Одними ободранными голубями больше, одними меньше.

– Сказал, едь аккуратно, – говорю холодно, снова погружаясь в работу.

– Вот забери свою тачку из гаража – рули и командуй! А я, между прочим, за этот проект тоже бился с тремя конкурентами. Пока ты загорал на югах. Чуть «Клёны» не увели договор. И заметь, это я выторговал день встречи! Договорился еле-еле, если тебе интересно, сначала предложил четверг – у них саммит, потом вторник – у них выставка, только утро понедельника свободное, и вот все через...

Слушая про значимость Игоря вполуха, я вношу правки в дела, проверяю бухгалтерию, смотрю отчеты.

Вдруг, тихо дзынькнув, на экране появляется сообщение от Фаи. Открываю его сразу.

Фая – намного больше, чем секретарь. Верная, бессменная, сообразительная, она не делает ошибок, ничего не забывает и никогда не пишет просто так.

«Villa dreams уже волнуются и о чём-то нервно перешёптываются», – читаю её сообщение.

Моментально уловив подтекст, пишу: «Так волнуются или нервничают?»

«Именно волнуются, но и нервничают», – ответ прилетает тут же.

«Фаячка, будь золотом, постарайся услышать, о чем они там шепчутся», – пишу я и добавляю ряд смайлов – сложенных в молитве рук.

«Ок», – дзынькает телефон.

Отрываю взгляд от экрана и задумчиво прохожусь глазами по плывущей за окном центральной улице.

Что-то здесь не так: мысленно возвращаюсь ко всем переговорам с «Villa dreams». Договор выгоден им намного больше, чем нам, так с чего бы этим ребятам волноваться?

Уступили им по всем фронтам, чтобы только взять этот проект в своё портфолио.

Это же такой козырь на перспективу – умный коттеджный посёлок премиум-класса на берегу реки!

Новое сообщение прилетает быстрее, чем я рассчитывал.

Фая пишет: «Говорят про какой-то новый закон. Подозревают, что вы решили перепроверить их».

А вот это уже интересно. Мысленно перебираю все готовые к подписанию бумаги и всю информацию, которую удалось найти по застройщику и подрядчикам этого посёлка.

– Игорь, а ты всю информацию добыл по «Villa dreams»?

– Да вроде всю!

– «Вроде» или всю? А наши юристы смотрели, искали?

– Слав, ну ты чего, уже на договор вышли. Сейчас-то уже смысл об этом говорить?

– Нет, нет, нет... что-то тут не то... Будем разбираться! Нужно срочно поговорить с юристами и бухгалтерией.

Мы уже в самом центре. Движение здесь не такое быстрое, как хочет Игорь.

– Да чтоб тебя, куда ты прёшь, баран! – сигналив очередному нерасторопному водителю, Игорь разбрасывает брань направо и налево. Пытаюсь абстрагироваться от мельтешащих, как назойливые насекомые, мыслей.

Мой плавающий от витрины к витрине взгляд, вдруг спотыкается о невероятно реалистичных манекенов, украшающих одну из модных «стекляшек» и человека в форме и фуражке охранника. Подаюсь вперёд, чтобы лучше разглядеть происходящее.

– Ты смотри, что он творит?! Гад! – я кричу человеку, который замахиваясь палкой, прогоняет от витрины грязную лохматую собаку.

– Значит, нагадил этот пёс там, где не положено. Чего орёшь-то тут. Как будто он тебя услышит.

– Тормози, – резко перебиваю равнодушно рассуждающего Игоря.

– Ты что, сдурел?! – взрывается он.

– Тормози, давай!

– Слав, ты чего творишь! Офонарел! Мы и так опаздываем!

– Тормози, сказал! – хватаю руль и почти кричу в ответ.

Как только машина с визгом замирает на обочине, выскакиваю на тротуар.

Чем мог не угодить дворový пес? Как он заслужил такое наказание?!

Гадил на крыльце? Укусил клиента? Налаял на этого идиота в форме? Сжавшаяся в комок несчастная псина распласталась на асфальте и пытается отлаиваться.

Её тощее лохматое тело подрагивает, одно ухо неестественно прижато к голове.

– Эй ты, живодёр, а ну прекращай мучить мою собаку!

Шагаю быстро и размашисто, кричу ему таким угрожающим тоном, что охранник невольно останавливает расправу и переключает внимание на меня.

Наши глаза встречаются.

– Это ваша собака?

– Да, это моя собака! – уже остановившись возле пса, говорю резко и тихо, сдерживая желание вырвать из рук этого увальня палку и по нему же ею и пройтись.

Молодой отъевшийся живодёр в форме, явно забывший о жалости, нервно сглатывает и ошарашено осматривает меня с ног до головы.

– Это точно ваша собака? Вы уверены? Это же грязная д-д-дворяня, – запинаясь, говорит он.

Наклонившись, беру пса на руки.

– Это. Моя. Грязная. Дворяня, – чётко произношу каждое слово.

– И-и-извините, – мямлит охранник и чешет затылок под фуражкой.

Спешу забрать хвостатого страдальца. Теплый испуганный пес всем телом прижимается ко мне, поскуливает и прячет холодный нос в складки шерстяного пиджака.

– Не хнычь! Подлечим!

Его жалобное скуление, словно плач страдающего ребёнка, откликается во мне, как эхо в горах. Также скулило моё сердце, осознав потерю Деда.

Дед! Мысль, как луч света разрезает темноту моего многолетнего полного одиночества.

– Так, псина! Твоё будущее решено. Будем жить вместе!

Теперь, когда бездомная дворяня уже принята в члены моей семьи, я не могу допустить, чтобы кто-то вот так поступал с родным существом. Резко разворачиваюсь к ещё стоящему позади меня на тротуаре охраннику.

– Что передо мной-то извиняешься? – со злостью киваю на побитое создание.

Брови охранника подскакивают вверх. На миг он задумывается, стоит ли просить прощения у собаки, но я держу его взглядом так яростно и крепко, что выбора не остается.

– Извини, пёс, погорячился, – хмуро бубнит он, глядя на тяжело дышащий шерстяной ком.

– Нормально скажи! – говорю громче: – Бодро, с огоньком, так же, как ты его бил!

Потупив взгляд, охранник снова нервно сглатывает и, перемявшись с ноги на ногу, произносит: – Уважаемый пес, извините, уж не знал, что вы из породистых и домашних.

– Благодарим! – бросаю я, и, развернувшись, тороплюсь обратно.

Высунув морду из складок, пес урчит, не церемонясь, облизывает мою щеку шершавым языком и как будто пытается выглянуть мне за спину.

– Боишься, что охранник догонит?

Оглядываюсь, охранника и след простыл, но вдруг вижу, как один из манекенов, стоящий за стеклом витрины, под которой бедную псину избивали, машет рукой. Пёс, издаёт слабый, протяжный звук и с шумом выдыхает воздух.

– Псина, да у тебя там есть подружка? Что ж она тебя не спасла?

К шуму проезжающих машин и монотонному рокоту города добавляется резкий крик Игоря. Он выскакивает из сверкающего белого седана, краснеет и орет что-то про кожаные сидения, про шерсть и блох, про стоимость машины, про то, что лучше вообще без друзей, чем с такими, как я...

– Слав, ты не охренел ли спасателя тут из себя строить! Я уже извёлся. Фая иззвонилась! Поехали, – он тыкает в мохнатого и резко добавляет: – Этого блохастого пса никуда не повезу!

Не дав закончить тираду, плечом отодвигаю его с дороги, открываю заднюю дверь авто и кладу пса. Черные бусины глаз смотрят добро и преданно из смешных кругов-ободков вокруг них – по пять копеек глаза, как сказали бы раньше.

Смешно тряхнув мордой, пес поджимает лапы под себя и смиренно ложится, как будто обещая бережно отнестись к кожаному салону машины своих спасителей.

– Ну, всё теперь, мохнатый, закончилась твоя бездомная жизнь.

Бросаю ему твёрдо и сажусь за руль авто Игоря, не обращая внимание на его вопли.

– Ты не повезёшь пса, тогда я сам его повезу. Ты как, с нами?

Глава 18. Слава

Когда мы с Игорем искали место под офис, главными критериями отбора были близость к центру и хорошая квадратура. На этом короткий список требований заканчивался. О большем мы и мечтать не могли.

У всех начинающих бизнесменов большие амбиции и большие планы, но далеко не у всех большие возможности. В нашем случае, были только неприлично огромные амбиции.

Часто, мечтая о будущем в моей съёмной квартире, мы смеялись, что похожи на двух суперменов: мы одиноки, молоды, бесстрашны и обладаем суперспособностями.

Супермен Слава обладал суперспособностью творить и создавать красоту из любого хаоса. У супермена Игоря была суперспособность продавать и пробивать любые стены, двери и возражения.

У нас была молодость, страсть, энергия, злость, и нас обожала самая капризная женщина – Удача.

В тот год торгово-офисный центр «Грозный» только сдался, собственник был другом моего постоянного заказчика, и, на наше счастье, ему нужны были услуги такой компании, как наша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.